

ФУНКЦИОНАЛИЗМ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ КОНЦА XX В.

1. Общая характеристика подхода

Лингвистический функционализм в современном терминологическом смысле этого слова, – детище XX в. (29, с.564). В то же время идеи функциональной грамматики освящены традициями различных национальных школ, в частности, в русском языкознании их корни можно видеть в трудах К. С. Аксакова, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского (5, с.565).

Общелингвистические течения первой половины XX в. в разной степени “функциональны” (105, с.XI): в наибольшей степени типичен пражский функционализм, затем идет лондонский и только после этого голландский. Функционализм Женевской школы, прототипично представленный Ш. Балли (с влиянием, оказанным на Теньера, Мартине и Хельбига в других странах), был довольно умеренным (самого Ф. де Соссюра к функционалистам не относят) и реалистично смотрел на функциональное объяснение фактов языка, ср.: “Есть у нас надежные критерии, чтобы судить о языках с точки зрения общения? Вряд ли, потому что ответ на этот вопрос предполагал бы, что нами просмотрена вся лингвистическая система под очень специальным углом зрения” (2, с.396). По убыванию “формалистичности” идут: Копенгагенская школа – дескриптивизм – тагмемика.

В рамках функционалистской традиции модели языковой компетенции (competence) очень разнообразны. Эти модели создавались в Восточной Европе (Дежэ, Фирбас, Матезиус и др.), в Великобритании (Халлидей), к ней относились или относятся, среди прочего, порождающая семантика (Чейф, Филлмор), анализ дискурса (Чейф, Гивон, Ли, Хоппер, Томпсон), когнитивная грамматика (Лангаккер, Лакофф), конструкционная грамматика (Филлмор), грамматика ролей и референции (Фоли и Ван Валин), а также функционалистские объяснения в рамках “стандартной генеративной теории” (С. Куно). Все это – разновидности “функциональной грамматики” (53, с.4).

Для лингвистического функционализма характерно мнение, что формы естественных языков создаются, регулируются, подчиняются требованиям, усваиваются и используются ради их коммуникативных функций. Этот подход противопоставлен теориям языка, постулирующим строгое разграничение между структурой и функцией, и тем теориям, в которых стремятся описывать и объяснять структурные факты *suī generis*, без соотнесения с ограничениями на форму, предъявляемыми целями коммуникации и средствами и ограничениями переработки информации человеком.

Функционализм как методическая теоретическая концепция выкристаллизовался в социологии раньше, чем в филологии. Лингвистический функционализм абсолютно непохож на философский (53, с.3-4). Больше всего сходств у лингвистического функционализма с конструктивизмом в математике и психологии.

2. Функционализм в общенаучном аспекте

Выражения “функционализм”, “функциональный анализ” и “функциональное объяснение” используются в самых разных смыслах. “Функциональное объяснение” используется в антропологии, физиологии и психологии (240, с.27-35), когда начинают с идеи “системы”, которая, функционируя, реализуется в наблюдаемых явлениях. Сама система состоит из своих элементов или реализует процессы или деятельность. По (181), при функциональном объяснении “функция” (как часть системы) дает необходимые условия для стабильности, “здоровья” и выживания системы в целом.

Другое понимание функционального анализа – в работах Б. Скиннера: это одновременно объяснение и прогноз поведения в терминах “внешних переменных” или “переменных окружения”; опирается такое объяснение на тезис: “Поведение есть функция окружения”.

Третья разновидность опирается на понятие системы внешних, а не внутренних функциональных состояний (F-состояний). “Внутренние состояния” для этого подхода производны от внешних. Наконец, четвертое направление – “структурно-функциональный анализ” — представляет собой разновидность физикализма. На первой стадии исследования рассматривают некоторую характерную деятельность системы – скажем, деятельность, связанную с запоминанием людей и животных. В этой деятельности выделяются функциональные части в терминах научной психологии, которые интерпретируются как взаимодействие некоторых функций. А вторая стадия состоит в попытке найти, для каждой из таких функций, физический локус или место в процессах организма, “реализующие”, или “выполняющие” эти функции. (Критику всех этих направлений см.: 240, с.36-44).

Итак, функциональность – характеристика теоретического объяснения, а именно, когда предполагают, что явление объяснимо некоторой – обычно одной, доминирующей (151, с.75) – сверхзадачей, а от физической реализации этих состояний отвлекаются, стремясь к онтологически нейтральной позиции (336, с.194).

Выделяются две разновидности такого подхода: семантический и эмпирический функционализм (336, с.196). Семантический функционализм описывает любые (даже нереальные) ментальные явления, а эмпирический – только “реальные” ментальные явления, по презумпции существующие.

Термины “функционализм” и “функциональный анализ” в гуманитарных науках часто противопоставляются термину “герменевтика” (298, с.11), но сближаются с классическим когнитивным направлением (97, с.2), в котором предполагается, что ментальные состояния можно идентифицировать, только если принять во внимание каузальные отношения между входом, выходом и ментальными состояниями (175, с.40).

Завоевал функционализм прочные позиции и в комплексе наук о мозге (в “нейронауке” в 1970-е годы) как метод объяснения специфики когнитивных процессов (281, с.36).

Функционалист принимает, что мысленные состояния и события действительно “происходят” в голове человека и обладают существенными функциями. Это значит, что есть внутренние состояния и события, обладающие такими функциями. В отличие от прямолинейного бихевиоризма, функционалисты позитивно относятся к внутренним процессам (171, с.833-834). Итак, функционализм:

— предполагает, что поведенческие диспозиции являются результатом взаимодействия различных мыслительных состояний – там, где бихевиоризм однозначно приписывает поведенческие диспозиции индивидуальным мыслительным состояниям мнения или желания;

— приписывает мыслительные состояния и события живому существу только в том случае, если есть соответственно функционирующие внутренние состояния, — в то время как бихевиоризм говорит о мыслительных состояниях и мнениях только при наличии поведенческих диспозиций, вне зависимости от того, какие внутренние состояния ответственны за эти диспозиции.

2.1. Функционализм в социологии

Функционализм представлен в тех социологических и философских концепциях, в которых задаются: 1) модус взаимозависимостей, представляющий класс сопоставления, 2) элементы (выявленные в результате констатации таких отношений) – “функциональные эквиваленты”, — принадлежащие классу сопоставления (262, с.146).

В социологии функционализм подчеркивает (341, с.11): 1) общую взаимосвязь частей системы, 2) существование “нормального” положения дел, или состояния равновесия, аналогичного нормальному, или здоровому состоянию организма (биологическая метафора “функции” в противоположность “дисфункции”, см. ниже), 3) закономерности, по которым все части системы переорганизуются для того, чтобы вернуть систему к нормальному состоянию, если равновесие нарушено.

К интеллектуальным родителям функционализма в социологии относятся: О. Конт (1789-1857), Г. Спенсер (1820-1903), В. Парето (1848-1923), Э. Дюркгейм (1858-1917), Б. Малиновски (1884-1942), А. Редклифф-Браун (1881-1942). Из них наиболее важным предтечей функционализма является, несомненно, Дюркгейм. Главные представители современного функционализма в западной социологии (341, с.12):

1. Т. Парсонс (1902-1979), опиравшийся на типологию “общности-общества”, выдвинутую Ф. Тениеса (1855-1936). Парсонс использовал также идею гомеостаза,

складывающегося из адаптации, достижения цели, интеграции, поддержания скрытых структур и снятия напряженности. Кстати сказать, этнометодология возникла как реализация проекта структурно-функционалистской социологии Парсонса (58, с.5).

2. Р. К. Мертон (р. 1910), развивавший функциональный анализ “среднего уровня”, сосредоточенный на конкретном явлении в рамках некоторой социальной системы (98, с.131). Аналитик пытается показать, как это явление дает толчок к усилению или уменьшению стабильности системы в целом. Когда явление негативно влияет на стабильность, говорят, что имеет нормальное функционирование нарушено, имеет место дисфункция. Итак, функциональный анализ – стратегия для получения гипотез, которые можно подвергнуть эмпирической проверке с помощью сопоставительных или иных методов (98, с.131).

В американской социологии и социальной философии понятие “роль” введено в оборот работами Ральфа Линтона и Г. Х. Мида. Именно линтоновское понятие и было усвоено функционалистами, в результате “роль” потеряла прямую ассоциацию с театром. Основное функционалистское положение может быть сформулировано так: всякая экспликация феномена должна формулироваться в терминах его роли в системе (критику такого положения с эпистемической точки зрения см. (279, с.102). А в работах Мида и его последователей эта “театральная” коннотация постоянно подчеркивалась (270, с.5). Ролевому рассмотрению подвергались не только литературные тексты, но и практически любое человеческое действие – в литературе, истории и обществе. Театральная “драма” – аналог проблемы в реальной человеческой жизни. “Драматический” метод состоит в том, чтобы выявить человеческую мотивацию не в чисто метафорическом смысле, а так, чтобы понять, что люди действительно исполняют роль, “act”, поскольку именно “действие” – качественная составная часть драмы (75, с.12).

Между социологической и лингвистической разновидностями функционализма очень много сходств, ведь язык создает основу для восприятия социальной действительности и для реагирования людей на нее. Об изменениях “форм жизни” сигнализируют описания и соответствующие разграничения понятий в обыденной речи (173, с.47). “Функциональный баланс” проявляется и в том, что грамматические процедуры воздействуют на равновесие двух конфликтующих интересов (318, с.277-278): сохранить возможность “вычислить” исходную структуру, выявить сообщение на основании поверхностной структуры, гарантировав минимальность усилий интерпретатора для такого вычисления; а при этом минимизировать усилия говорящего.

2.2. Философский функционализм

Как и бихевиоризм, функционалистская философия мысли предполагает, что “ментальность” – понятие не свойств мыслительных субстанций, данных непосредственно, а понятий комплексных КАУЗАЛЬНЫХ свойств. Фундаментальным и для бихевиоризма, и для функционалистов является убежденность в первичности каузального, физического порядка. Наши понятия мыслительного должны осмысляться посредством установления того, как мыслительное вписывается в каузальный порядок природы. Однако функционализм ничего не говорит о том, представлены ли понятия, определенные функционально, мыслительной или материальной субстанцией. Функционализм только утверждает, что эти понятия не отражают непосредственную данность (100, с.1).

Одним из направлений философского функционализма является моделирование человеческой когниции. К сторонникам такого философского направления относятся: Д. Льюис, Х. Патнам (“машинные таблицы”), Пылышин (вычислительный функционализм в искусственном интеллекте), Деннетт, Лайкан (концепция гомункулюса). Философы-функционалисты стремятся осуществить часть программы исследования когнитивной науки, выяснив, как мысленные события (mental events) опознаются и классифицируются (56, с.112-113). Функционалисты считают, что мысленные события классифицируются в терминах своих каузальных ролей. Ментальное событие описывается в терминах своей роли в мысленной системе, оно опознается и классифицируется вне зависимости от физической реализации.

Такой “машинный функционализм” родился в середине 1960-х годов, когда Патнэм и Фодор предложили компьютерную метафору для человеческой ментальности (234, с.7-8). Критикует это направление Дж. Серль, полагающий (302, с.15), что “компьютерный функционализм”, “когнитивная наука” – всего лишь удобная рабочая метафора, полезная только в эвристическом отношении. В основе такого “гомункулярного функционализма” лежит, по

(321, с.71-72), предположение, что когниция – это своеобразное вычисление, а ментальность может быть разложена на функциональные составляющие. Тезис о “функциональной композиционности” реализуется в трех направлениях:

— каждое психологическое состояние (например, установка, “attitude”) обладает своей ролью в своеобразной “психологической экономике” (42, с.265];

— ментальность модульна, т.е. имеются модули, взаимодействующие между собой, но обладающие каждый своей задачей и специализацией;

— каждый модуль, в свою очередь, представляется как более сложная организация со своими внутренними модулями, и так далее, до тех пор, пока мы не дойдем до психологически примитивных модулей.

Такой когнитивный подход, по (328, с.58), – не более, чем “старое вино в новых мехах”, а не альтернатива для бихевиористского функционализма, доминировавшего до этого в психологии, содержание все то же: редукция сложной ментальности, представление ее как взаимодействие переменных их конечного набора.

Другим направлением в практической философии является “историко-функциональный концептуальный анализ” при интерпретации текста-источника (203, с.208), в двух направлениях (203, с.33-34):

— предыстория понятий демонстрирует опорные концепты и показывает, как происходили изменения понятий;

— “мир” формируется другими понятиями, входящими в синхронную семантику анализируемого понятия на правах компонентов;

— это окружение понятия конструируется социальной действительностью, когда аналитик учитывает разграничения, существующие в рамках социальной структуры.

2.3. Литературоведческий функционализм

Типичные представители литературоведческого функционализма в XX в. – русские формалисты (например, В. Шкловский) – рассматривали главным образом взаимодействие читателя с текстом. Именно интерес к рецепции поэтического текста привел формалистов к функционалистской теории литературы, к антропологическому аспекту исследования искусства. Такой подход отвечал на вопросы, почему поэтический текст организован именно данным, а не другим образом, как читатель воспринимает текст и в чем кроется социологический фактор динамики литературной эволюции (269, с.4).

При этом учитывалось, что у любого факта, упоминаемого в литературном тексте, не одна, а целый букет функций, скажем, тематическая, формальная и какая-нибудь сугубо личная для писателя; интерпретация факта зависит от уровня, на котором интерпретатор истолковывает данный текст (189, с.18). Независимо от того, как концептуализируется часть или целое, намерение и функция, интерпретатор всегда сам является тем “я”, которое одновременно создает и представляет (презентирует) интерпретацию.

2.4. “Функциональность” в лингвистике

Лингвистический функционализм многофакторен, в частности, включает (232, с.68) положения об интенциональной основе функций, о соотносительности функции с формой, об облигаторности функции у каждого периферийного элемента системы. В. Г. Гак (11, с.180-182) отмечает также такие моменты, как роль в системе и в движении, в отношении части к целому, связь с понятием целевого назначения и диалектику связи системы и функций. В результате анализа функционалистских исследований можно выделить следующие “дифференциальные” признаки теории, совокупность которых как минимум дает основания квалифицировать те или иные концепции как функционализм:

1. Единство действия. Кантовское понятие “функция” берется как единство действия, выраженное в упорядочении различных представлений под одним, общепризнанным углом зрения (208, с.139).

2. Главенство принципов человеческой ментальности. Функциональность – то же, что значимость употребления знака, зависящая от определенного дискурсного мира (“области опыта”) (79, с.27). Грамматики человеческих языков основаны на функциональных принципах (329, с.3). Синтаксические альтернативы, специфичные для конкретных языков, используются для указания на конкретные семантические или прагматические функции, проявляющие общие

закономерности (по-своему представленные в данном языке) в хранении и поиске информации в памяти.

Ментальные состояния полностью задаются своей “функциональной ролью” в объяснении наблюдаемого поведения (198, с.65) и не выводимы исключительно из “диспозиций к поведению”. Одни ментальные состояния объясняются через другие (198, с.65), при этом не обязательно все сводить к “физическим” свойствам как последней инстанции: важны функции, а не физическая субстанция “мозга” (197, с.15).

3. Универсальность функций речевого поведения. Структура языковой системы предопределена своими функциями. А поскольку некоторые потребности человека и общества универсальны, есть и универсальные функции, присущие речевому поведению на любом языке и проявленные в грамматической и лексической структурах (236, с.249).

4. Телеологичность языка как целенаправленной деятельности, механизмы которой предопределены целями. Язык – не готовый статичный продукт, а активное “языковое творчество” (183, с.6). Большая часть результатов функционального анализа речи может быть сформулирована в телеологических терминах (159, с.351). Например: фонологические элементы “служат” выделению значений (вычленению значений из континуума); расположение морфем или слов “служит цели” построения предложений, — так чтобы предложения и любые их части служили цели социального взаимодействия.

5. Вмешательство экстралингвистических факторов в язык и речь. Язык рассматривается не только “изнутри”, в терминах формальных свойств (таким было бы формалистское объяснение, устанавливающее отношения между элементами исключительно языкового произведения – текста), но и извне, с точки зрения того, что он дает системам, в которые входит в качестве подсистемы, — культурам, социальным системам, системам мнений и т.п. (228, с.76).

6. Соотнесенность формы и функций языка. Форма языка соответствует функциям языкового употребления, отвечает запросам этих функций. Лингвистика, как и язык, имеет различные задачи, различные функции, определяющие форму лингвистической теории (133, с.481). Следует не просто приписывать функциональные интерпретации уже выявленным единицам формы и компонентам таких единиц, а членить формальные компоненты на свои элементы и перегруппировывать их в функциональные компоненты (177, с.91). Функциональный компонент чаще не совпадает, чем совпадает с формальным.

Это положение реализуется следующими методическими презумпциями (177, с.88):

6.1. Грамматическая теория описывает множества функций. Комбинации формальных единиц, выполняющих эти функции и варьирующихся в конкретном окружении, обладают своими функциями, играют фундаментальную роль в организации формальной грамматики языка.

6.2. Анализируется множество формальных противопоставлений в рамках поверхностной структуры на уровне высказывания, а также отношения этих противопоставлений к различиям в семантико-прагматическом значении. Формальная сторона играет меньшую роль.

6.3. Закономерности, выявленные в рамках одного конкретного компонента системы, рассматриваются как результат более общих закономерностей системы в целом. Некоторые закономерности объясняются как результат взаимодействия компонентов.

6.4. То, как формальные единицы взаимодействуют между собой (вне зависимости от принадлежности компонентам системы), является единственным веским основанием для обобщений. Универсалии, касающиеся форм языка, логически выводятся из функциональных принципов.

7. Выявление связи между функцией и ее реализацией как задача анализа. Цели речи более важны, чем методы их достижения (44, с.13). Конкретная деятельность может обладать несколькими функциями и, наоборот, одна функция может быть распределена между несколькими видами деятельности. Общие задачи функционального анализа: а) выявить множество функций, важных для общения, б) исследовать, как различные функции кодируются и воплощаются в речевых действиях. Критерии выделения функций бывают как языковыми, так и внеязыковыми (44, с.13).

8. Конвенциональность функций. Системный аспект сочетается с деятельностным (106, с.142) и заключается в описании конвенционализированных функций, присущих средствам выражения, трактуемым в грамматике (106, с.164).

9. Опора исключительно на непосредственно наблюдаемую, поверхностную структуру (“сюрфасизм”), на крупные речевые образования (178, с.55). Элементарные единицы – морфемы и правила – рассматриваются как исполнители ролей в формировании семантически точных и

легко воспринимаемых, “декодируемых”, высказываний, когда стремятся к максимальной прозрачности в объяснении (178, с.55). Там, где “формалист” хочет получить максимально простую формулировку правила и/или простую, обобщенную констатацию структуры, функционалист не боится усложнения, подчеркивает множественность функций, к которым сводим синтаксический процесс, ищет закономерности на уровне целой системы (179, с.403), рассматриваемой как функционально целостный механизм общения (179, с.404).

10. Связь между общей и индивидуальной компетенциями. Социопсихологическое исследование коммуникации (социопсихологической структуры, общей для коммуникантов, общности целей и средств при реализации намерений в общении) учитывает существование очень индивидуальных, неповторимых “компетенций”, или знаний системы правил у носителя языка (266, с.215).

11. Культурологическое измерение языка. Естественные языки – инструменты культуры, используемые для систематического соединения звуков и значений для эффективной передачи символов в человеческом обществе (295, с.231). Анализ состоит в исследовании инструментальных функций языка и речи, когда в природе инструментов видят результат присущих им конкретных функций: эти инструменты обладают своими частями и свойствами, функционально взаимодействующими в рамках данного инструмента (295, с.232).

12. “Ономастиологичность”: типы внеязыковых фактов (положений дел, состояний и т.п.) выявляются и единообразно характеризуются через языковые значения (92, с.97). Составление реестра возможностей языков – “языковых универсалий” (как “возможных” свойств языков) имеет смысл только для “реальных” возможностей языков (*species civiles* у Лейбница, а не *species logica*). Типы обозначения в языках вскрываются и отграничиваются от иных типов в рамках известных языков не прямо, а на основании коррелятов таких типов. Реестр должен содержать только эмпирически зарегистрированные возможности или те, которые прямо или опосредованно вытекают из зарегистрированных.

2.5. Лингвистический функционализм

Несмотря на свою популярность, функциональный подход в лингвистике конца XX в. не имеет доминирующей самостоятельной доктрины: “Функциональная лингвистика (функционализм)”, – скорее “совокупность школ и направлений, возникших как одно из ответвлений структурной лингвистики, характеризующихся преимущественным вниманием к функционированию языка как средства общения” (7, с.566). Основным принцип такого направления – “понимание языка как целенаправленной системы средств выражения (так называемый телеологический принцип) – был выдвинут Р. О. Якобсоном, Н. С. Трубецким и С. О. Карцевским в “Тезисах Пражского лингвистического кружка” (1929), а затем развит в работах других представителей пражской лингвистической школы, а также немецкого психолога К. Бюлера, обосновавшего концепцию трех функций языка – экспрессивной, аппеллятивной и репрезентативной” (7, с.566).

Так, Р. Якобсон в конце 1940-х годов писал: “Вопрос о том, в чем состоит общий знаменатель различных направлений современной науки о языке – отличающий ее от доминирующей неограмматической традиции конца XIX века, — имеет следующий ясный ответ: язык в первую очередь интерпретируется как инструмент коммуникации (*tool of communication*), а структура его анализируется в свете целей, которым служит он и его компоненты. Это – структурный, или функциональный подход, обладающий многими гранями” (201, с.49).

Эта же идея обладает эвристической ценностью для функционалиста и сегодня: язык должен изучаться под углом зрения своей роли в человеческой коммуникации (132, с.3) и рассматриваться как система такой коммуникации, а не как перечисление структурных описаний предложений. Главная функция языка – инструментальная: язык – инструмент речевого взаимодействия людей (132, с.7). Чтобы понять суть языка, необходимо посмотреть на общение. Конечно, речевое общение не всегда сводимо к передаче информации, однако можно, согласно (332, с.330), утверждать: чтобы понять природу и структуру языка, нужно учесть, что язык, подобно другим инструментам, используется для чего-то; скажем, молоток нормально использовать для забивания гвоздей, – хотя иногда его и используют вместо гири.

Иногда именно по этой линии – учет (функционализм) или отвлеченность от коммуникативного предназначения языка – и противопоставляется функционализм другим лингвистическим направлениям (170, с.513).

При функционалистском взгляде на язык часто отвлекаются от существования этических мотивов употребления языка, на первом месте – цели, а именно: интеграция, принятие, группировка интересов (186, с.12). Язык позволяет достигать своих целей. Убеждение, реклама, влияние на мировоззрение, пропаганда действуют на человека исподволь, скрыто достигая поставленных целей в той степени, в какой это позволяет язык.

Лингвистам, ограничивающимся формальным описанием языка (скорее даже частей языка), кажется, что их работа завершена, когда все части упорядочены или подведены под категории, подсказываемые выбранной ими концепцией. В том самом месте, в котором формалистам работа становится неинтересной, к делу приступают функционалисты (144, с.39), со своими стандартами объяснительности. Иногда им представляется, что то, что формалисты умеют объяснять, второстепенно или незначительно или даже иллюзорно.

Функциональное описание языка охватывает: 1) систему речевой семантики и функций со своими аргументами; 2) морфологическую систему; 3) прагматическую систему, включающую такие понятия, как иллюкутивная сила, пресуппозиция, топиковость и определенность; 4) систему социальных норм, управляющих различными видами речевых событий и деятельности (132, с.14). Функционалист ориентируется на описание языка в терминах типов речевой деятельности и типов конструкций, используемых в ней, стремится только констатировать взаимодействие синтаксиса, семантики и прагматики (в различных языках неодинаковое), не берясь что-либо предсказывать: функциональные теории занимаются системами, а не реальным поведением (132, с.15). В центре внимания находятся средства, используемые языками для указания на ситуации (и их участников) в дискурсе (132, с.25). Причем микросоциологический функционализм теории систем не совпадает с макросоциологическим функционализмом анализа разговора и объективной герменевтики (299, с.165).

Важным положением является “принцип противоположности”, соотносящий функцию с объемом употребления языковых форм: “Функции языковых форм определяются объемом употребления этих форм. Поэтому и функция формы должна определяться в отношении к другим формам, употребляемым рядом с ней в данной семантической или синтаксической области” (24, с.131-132).

Итак:

1. Языки рассматриваются как инструменты для выполнения своих функций. Форма инструмента отражает эти функции, подчиняясь их императивам. Языки структурированы так, чтобы годиться на выполнение этих функций. Есть иерархия функций. Главной является функция сообщения (коммуницирования), лежащая в основе всех остальных функций (238, с.2).

2. Части сложных структур языка обладают различной значимостью, важностью, предопределяемой функциями этих частей.

Функциональный подход в грамматическом описании упрощает грамматику, освобождая ее от искусственных формальных приемов (таких, как “деривационные ограничения”, фильтры на поверхностную структуру и т.п.). Существуют лишь принципы восприятия и межличностного взаимодействия, работающие даже за пределами языка (260, с.492). Эти прагматические факторы служат аргументами в пользу того или иного устройства грамматики (243, с.417), представляющей структуру в терминах “функций”. При таком “интегральном” подходе каждый элемент описания выполняет определенные функции в рамках системы языка (315, с.7).

В грамматике описывается не только множество возможных предложений данного языка и отношения между ними, но и выбор из числа семантически эквивалентных предложений, т.е. выбор альтернативных поверхностных реализаций одной и той же исходной структуры (322, с.311). Такой функциональный синтаксис предполагает предварительно выполненное формальное описание. В рамках неинтерпретативного функционализма описание состоит в констатации того, какие факультативные трансформации запрещены в конкретном контексте и/или ситуации. В интерпретационном функционализме констатация – указание контекстов и/или ситуаций, в которые может включаться данная форма предложения. Там, где представители первого взгляда исследуют правильно построенные предложения (а точнее, системы грамматических правил, порождающих предложения), функционалисты второго направления подчеркивают использование этих предложений в реальном процессе общения (199, с.5). Ярким примером интерпретативного функционализма является теория речевых актов.

3. Функциональное объяснение в лингвистике и за ее пределами

Функционализм – форма объяснения, промежуточная между формулированием законов (подобных законам природы) и рациональным культурологическим объяснением (традиционно принятым для событий культуры) (267, с.14). С точки зрения эпистемологии, это компромисс между различными способами объяснения, а с институциональной точки зрения – организация научной деятельности, нацеленная на “мирное сосуществование” различных научных дисциплин, обменивающихся своими результатами, но не вмешивающихся во внутренние дела друг друга (281, с.37). При этом стремятся объяснить кажущуюся или действительную приспособленность, гармонию в тех областях, в которых маловероятно предполагать преднамеренное достижение этой гармонии.

В языкознании функциональное объяснение развивалось и в диахронических исследованиях (например, А. Мартине), и при описании синтаксической структуры (Т. Гивон, С. Куно и др.).

Типично такое выражение функционалистского умозаключения: “А возникло и развивалось для того, чтобы В”. Например, языки обладают свойством Р, потому что, если бы они им не обладали, то мы не могли бы: а) их выучить, б) планировать и продуцировать предложения эффективно и надежно, в) делать обычные сообщения (93, с.94). Так, фонемы дифференцированы в фонологическом пространстве для того, чтобы облегчить понимание; богатая система падежной маркировки объясняется через “функцию” сделать так, чтобы язык со свободным порядком слов мог передавать сообщение; другие синтаксические структуры объясняются, скажем, как выполняющие определенное задание в разговоре и т.д. Такие рассуждения обладают только эвристической ценностью.

Для того чтобы не допускать причину после результата, функционалист объявляет функциональную связь результатом: 1) естественного отбора, аналогичного законам в биологии; для языкознания такой подход малоправдоподобен: вряд ли выживают только те организмы, которые, скажем, обладают данным, а не иным репертуаром фонем; 2) осознанного стремления человека к достижению целей; однако это объяснение ограничивается теми случаями, когда, например, мы избегаем употребления тех или иных слов; 3) работы подсознания, поощрения одних вариантов и подавления других, когда человек регистрирует и последствия своего непреднамеренного поведения, и преднамеренные свои действия (267, с.14).

Характер функциональных объяснений (в терминах эффективности структуры языка) бывает различным. В них свойства языковой структуры могут, например (91, с.87) связываться с аспектами человеческой когниции или с эффективностью соотнесения значения и формы – это “семанτικο-прагматический” тип объяснения. Особенно ярко функциональное объяснение, когда мы имеем дело с грамматическим исключением, которому можно дать мотивирующее прагматическое объяснение (91, с.99).

Функционалисты и когнитивисты считают, что четкую границу между языком и его физической реализацией провести нельзя; язык онтогенетически и филогенетически уходит глубоко корнями в свое “телесное” основание, а именно в ментальность, “mind” (49, с.34-35). Отсюда и вытекает, что грамматика не может быть независимой от значения.

С этим же положением можно связать (303, с.117) и тезис о дискретной природе концептуальной стороны категории, ее “representandum”: как и физический объект, эта концептуальная сторона обладает бесконечным набором свойств, а языковая сторона, ее воплощение, демонстрирует как прототипические, так и непрототипические реализации в той или иной степени. Таким образом (41, с.149), четкую границу нельзя провести и между прототипическим и непрототипическим употреблениями языка (скажем, в случае метафоры). Например, прибегая к метафорам, человек подсознательно опирается на несколько разных стратегий, черпая материал из нескольких семантических полей одновременно. Понимание языка в таких случаях все-таки протекает за конечное время постольку, поскольку в конкретное историческое время набор наиболее тематизированных областей очень ограничен. А сама категоризация элементов языка рождается только по ходу дискурса (188, с.747).

Более того, язык – не какая-нибудь “кодовая структура”, но еще и совокупность норм, отражающих и способы (модусы) репрезентации, и культурные универсумы, различие между которыми проявляется при переводе с языка на язык (48, с.231). Семиотическая структура языка участвует в классификации значения. Она реализует свою первичную функцию, состоящую в коммуницировании посредством системы знаков. Именно в этом отношении язык можно понимать как валентности, реализуемые коммуникацией. Парадигма актуализируется и превращается в предложение. Такая функция объединяет семиологическую систему, историю и

рассматриваемый социокультурный мир синхронии. Таким образом язык адаптируется к миру, а мир проникает в язык. Это значит, что семиологическая система предполагает сигнификативные характеристики, поскольку знак есть компромисс в деятельности того, кто им пользуется – говорящего или пишущего (48, с.233).

Итак, понимать язык – значит опираться не только на природу текста, но и на дискурсивные процессы, в результате которых текст продуцируется и понимается, т.е. объяснить функционирование данного текста в обществе (225, с.5). Подход к языку как к социальной семиотике предполагает, что функция текста – результат настройки контекстных переменных, включая сюда участников общения и фоновые знания, привносимые этими участниками в ситуацию общения. Вот почему можно сказать, что значения текста – результат договоренности, достигаемой (постепенно, не сразу) общающимися людьми, и эта договоренность постоянно подвергается корректировке, поскольку фоновые знания говорящего и адресата не одинаковы и меняются.

Кроме того, без учета социальных факторов функционирования языка невозможно понять, как с помощью языка выражаются и реализуются этические ценности, способы понимания и регуляция действия, характерного для общности людей (104, с.1). Ведь это выражение наиболее детально проработанно и ясно именно в языке, что показывает концептуальный анализ этических терминов (104, с.3). Вытекает эта ценностная пропитка языка из того, что, как отмечается в работе (204, с.9), социализационная функция языка является двойной: при передаче язык обладает инструментальным характером, а при означивании – оценивающим. Как технический инструмент передачи знаний язык состоит из выражения и коммуникации с членами общества. В оценивающей же функции язык продуцирует значение, включающее в себя, в явной или неявной форме, нормативную или аксиологическую систему, управляющую обществом. И чтобы это понять и описать, нужно рассмотреть употребление языка в социальном контексте, в который язык “погружен”.

Язык рассматривается как инструмент, используемый, главным образом, для создания сложных структур социального взаимодействия (103, с.74). Сообщения передаются, чтобы изменить что-то в интерпретаторах. Язык (*langue*) интересен только в той степени, в какой объясняет свойства речи (*parole*). Компетентия интересует функционалиста только как основа для описания речевого исполнения носителя языка (103, с.75). Отсюда в рамках “функциональной грамматики” С. Дик (103, с.75-76) делает большое количество выводов.

Выделяются (63) два основных типа теорий, опирающихся на функциональное объяснение:

1. Теория поведенческого контекста, утверждающая, что языковые структуры существуют в силу общих свойств употребления языка и свойств мысли. Эта теория уклоняется от предсказания конкретных свойств грамматики, которая не рассматривается вовсе или считается фикцией, удобной абстракцией (63, с.588).

2. Интеракционистский подход, объявляющий, что механизмы мысли формируют определенные аспекты языковой структуры (63, с.585-586). Грамматика обладает психологической реальностью и объяснима через функции одной из систем поведения, с которыми взаимодействует. В этом ключе исследуются усвоение языка, продуцирование и восприятие речи. Эти системы, формируясь у ребенка, ограничивают спектр неологизмов и переосмыслений структуры высказываний. Некоторые структуры высказываний невозможны не потому, что не укладываются в грамматические универсалии, а потому, что их невозможно употребить или усвоить при промежуточной структуре еще не укомплектованной грамматики ребенка. Среди наблюдаемых фактов языка различаются следствия систем поведения и результаты универсальных свойств грамматических форм. Это по-своему конкретизирует тезис о врожденности структуры языка (63, с.590).

Описывая функцию чего-либо наличного в настоящем, указывают на потенциальное, а не реальное будущее событие и/или его результат. Характеризуя биологическую функцию или функцию предметов, используемых человеком, задают некоторый актуально существующий объект через описание некоторого будущего события или состояния дел (64, с.181). Так, функция зубов во время T – пережевать пищу во время T' , где $T' > T$. Трудность в том, что результата часто нет. Функция жала осы ясна, но далеко не все осы используют свое жало. Поэтому функционалист описывает не действительные, а лишь потенциальные свойства. В этой связи можно выделить (24, с.181) два типа функциональных теорий.

1. Элиминирующий подход: функция указывается в терминах будущих и, возможно, отсутствующих результатов.

2. Ретроспективный подход: обращаются к предшествующим представлениям и/или к истории естественного отбора; такой подход связан с анализом эволюционистского понятия уместности. На функцию смотрят через призму “диспозиций”.

А теория сама по себе обладает четырьмя функциями (164, с.96):

— объяснять, организовывать знание, прогнозировать и систематизировать старые, сегодняшние и будущие данные, т.е. охватывать факты и быть правильной;

— быть элегантной, удовлетворительной, связной, нетривиальной и стимулирующей; известно, что эстетическая неудовлетворительность теории заставляет ее усовершенствовать;

— быть продуктивной, порождать свою аудиторию и вдохновлять эту аудиторию на добывание новых данных; если теория постоянно не перепроверяется, она постепенно может угаснуть;

— быть заменимой, что не то же, что фальсифицируемость в философском смысле слова.

Если теории нельзя возразить, если в ней нельзя найти изъянов, то она из теории превращается в религию; социальное требование к теории: она должна стимулировать на замену ее еще более объяснительной теорией.

Эти четыре критерия взаимозависимы (164, с.96):

ИСТИННОСТЬ

ЗАМЕНИМОСТЬ

ЭЛЕГАНТНОСТЬ

ПРОДУКТИВНОСТЬ

Здесь напрашивается аналогия с диаграммой и набором функций, предложенными Р. Якобсоном (см. далее). Однако здесь речь идет о функциях теории, а не языка.

4. “Функциональное” и “формальное” объяснение

Покоится ли языковая способность человека на каких-то не до конца выясненных когнитивных способностях – или же человек – всего лишь специализированная функция духа? На этот вопрос по-разному отвечают представители двух теоретических лагерей в лингвистике (320, с.1).

Формалисты образуют один лагерь, считая синтаксис независимым модулем духа и исследуя именно такой автономный способ функционирования языка. Отношение с когнитивными категориями у синтаксиса тогда считается опосредованным. Формалистское направление реализовано, в частности, в концепции универсальной грамматики, в которой принят тезис о врожденной (в основных чертах) организации грамматики и о когнитивных структурах, привязанных к конкретным проблемам, решаемым с помощью такой грамматики в реальной жизни. Так (178, с.54-55), “формальный” подход Хомского состоит в вычленении конкретных единиц грамматики (например, морфем), при предположении, что более крупные единицы – такие, как предложения – порождаются одинаковым образом в результате автоматической работы серии “правил”. В более широком плане не обязательно формализм привязывать к конкретному типу формального аппарата для описания языка: в основе формалистского подхода лежит именно специфическая эвристическая установка, задающая тон в эстетической оценке своих и чужих теорий языка.

А функционалисты исходят из функции языка как средства общения и рассматривают грамматику как прежде всего инструмент эффективной организации информации. Структура этого инструмента предопределяется именно функцией (“form follows function”). Различные синтаксические категории в такой функциональной теории грамматики – не независимые величины, а непосредственные отражения когнитивных категорий.

Первоначально предполагалось, что такая процедура анализа очень проста: от понятия – через функцию – к языковым реализациям: так полагал О. Есперсен в 1929 г. (13, с.399). Этот взгляд развивался при переходе от структурно-формальной перспективы к функционализму, а именно (77, с.25), от чисто синтаксического подхода хомскианского типа (“говорить – значит строить или идентифицировать предложения в соответствии с правилами языка”) – к

исследованию семантических аспектов (“говорить – значит использовать язык в применении к контексту, к собеседнику и в рамках целей общения”).

Однако следует быть настороже: используя только функциональные соображения, игнорируя структурные, мы рискуем запутаться в хитросплетении функций, которые обладают на самом деле разной степенью существенности (142, с.34). В результате разделения труда (227, с.5) грамматическое объяснение должно быть формальным, а прагматическое – функциональным, см. также (226, с.418). Эти взгляды просто взаимодополнительны (32, с.106).

При этом (142, с.38) вряд ли верно считать (хотя именно таково мнение очень многих современных лингвистов), что понятийно-функциональная база языка и общения универсальна, т.е. что имеется ограниченный инвентарь функциональных областей, кодируемых синтаксисом и позволяющих проводить сравнение языков. Довод против этого состоит в том, что одна и та же функциональная область зачастую кодируется в разных языках с помощью просто разных ТИПОВ структур. Именно из этого наблюдения и исходит понятийно-функциональная (notional-functional) концепция синтаксической типологии. Набор самих семантических понятий, лежащих в основе синтаксиса, должен выявляться на основе каждого отдельно взятого языка и не обязательно универсален.

Формальный анализ связан не с теми же уровнями классификации, что и функциональный (182, с.1): формальное описание оперирует в терминах классов слов, таких как имя, глагол, прилагательное, а также разных морфологических признаков каждого класса. А функциональное описание классифицирует эти формальные элементы в терминах функций, ими выполняемых, таких как подлежащее, дополнение и обстоятельство, входящих в состав предложения. Только семантическое описание связывает эти два уровня, анализируя различные значения, репрезентируемые с помощью этих формальных и функциональных категорий. (Ср. противоположный, радикально-формалистический взгляд (317, с.30-31): членение языка на уровни и соотношенность составляющих предложения предопределяет функция.)

Отсюда вытекает подход к грамматической типологии как к установлению бытующих функций конкретных языков и исчислению для каждой функции основных структурных средств, с помощью которых различные языки кодируют – или выполняют – эту функцию (143, с.7). Причем (307, с.442) речевое выражение не зависит прямо от формальных категорий языка при реализации функциональных категорий. Ведь функциональные категории обычно комбинируются самыми разнообразными способами: например, в праиндоевропейском языке лицо только редко выражается в отрыве от числа и наоборот. А кроме того, выражение функциональных категорий бывает часто с формальной точки зрения непоследовательным. Так, скажем, простое настоящее время в английском – формальная категория, скорее вуалирующая, чем непосредственно реализующая категории глагола.

В такой или сходной структурно-функциональной теории, компромиссной между чисто структурным (формальным) и функциональным описанием (331, с.2), в частности, предполагается, что синтаксис не является автономным модулем грамматической системы, а зависит от работы семантического и прагматического компонентов.

Всегда есть случаи, когда именно функциональная перспектива наиболее наглядна в анализе конкретного синтаксического явления (216, с.1). Вообще говоря, конфликта между функциональным и “формальным” синтаксисом (например, генеративной концепцией) не должно быть. На практике же такие конфликты не редки. “Чистые” синтаксисты склонны либо синтаксически объяснять то, что естественнее объяснить как результат действия прагматических или семантических факторов, либо же игнорировать внесинтаксические явления, даже не пытаясь выявить несинтаксические факторы (216, с.2).

5. Понятие функции

5.1. Значения термина “функция”

Функциональная теория получает иногда совершенно разные толкования, в зависимости от того, как трактуется термин “функция”.

Э. Дюркгейм (110, с.49) указывал на два значения термина “функция”, из которых предпочитал второе: 1. Система жизненно важных действий в абстракции от их последствий. 2. Соответствие этих действий потребностям организма.

Явление, обладающее функцией f , тем самым считается вовлеченным в процесс, обслуживающий человека или вызываемый человеком с некоторой целью; функция же

человека, подвергаемого манипулированию со стороны других людей при достижении их целей, называется “ролью” (95, с.8).

Речь позволяет не только говорить о внешнем мире, но и создавать или формировать огромную часть социальной действительности. Соответственно, имеем различные аспекты функционирования языка – отражение, созидание, перформативность, презумптивность и т.п. (308, с.194). Тогда выделяются, как минимум, три различных группы смыслов у термина “функция” (310, с.17-18]:

1. “Референциальные” функции – абстрактная дистрибуция форм в рамках предложения.

2. “Прагматическая функция-1”: целенаправленное использование сигналов для достижения социального эффекта. Такая функция характеризует нечто с точки зрения того, как говорящие в качестве коммуникантов, использующих межличностный канал, настроенный на ту или иную задачу, квалифицируют свои речевые действия (309, с.132): как вопрос, объявление, приказ, именование и т.п. Такая функция связана с интерпретацией способности индивида стратегически использовать формы языка, т.е. так, чтобы это употребление можно было оценивать в соответствии со стандартами идеологии (мировоззрения) и/или уместности (308, с.206). Это истолкование функции лежало в основе пражского функционализма, см. (17, с.7). Ближе к этому понимание у Л. Блумфилда (65), формулировавшего проблему описания “хорошей” (в противоположность “плохой”, неправильной) речи. Рассуждения Блумфилда (66) о вторичной и третичной реакциях на язык наводят на мысль, что метаязыковая функция взаимосвязана с формированием “языковой идеологии” (308, с.206).

3. “Прагматическая функция-2”: индексное употребление экземпляров формы – и взаимная дистрибуция экземпляров форм самих по себе (при определении связности дискурса), и дистрибуция экземпляров формы в отношении к внеязыковому контексту употребления языка. Это употребление дает индексное значение языка (309, с.142): отношение языкового сигнала к своему контексту употребления, иногда именуемое прагматической (индексной) пресуппозицией или прагматическим (индексным) логическим выводом.

В другом измерении (167, с.326) выделяются такие понимания функции:

1. “Грамматическая” (или синтаксическая) функция, употребляется по отношению к элементам языковых структур – типа “агенса”, “цель”, “субъект”, “объект”, “тема”, “рема” и т.п.: роли, исполняемые классами слов, словосочетаниями и т.п. в рамках структуры единиц более высокого уровня.

2. Функция языка в целом у К. Бюлера (73), в пражском функционализме и у М. Халлидея. Многообразие таких функций (группируемых вокруг трех основных видов – идеационной, межличностной и текстовой функции) встроено в структуру языка и образует основу его семантической и синтаксической (грамматико-лексической) организации.

Функциональность языка представлена на четырех различных уровнях (200, с.16-18):

1. Обозначение: слово как уразумение данного мира, а язык как именование вещей, когда конвенция сама по себе обладает полной конституирующей силой.

2. Описание, дескрипция в ориентации целиком на вещь, когда суждения привязаны исключительно к предметам. Язык служит для описания, а предметы мира являются целью своего употребления, осмысленного использования людьми.

3. Суждение: слово как идеологическая оценка, как суждение, которое может быть и предрассудком. В зародыше такие суждения и оценки имеются в языке как описания; масштабы тогда задаются вещами, сопоставляемыми в рамках осмысленного использования в чисто прагматическом смысле, но внеположены (пока еще) этическим, религиозным и мировоззренческим оценкам, проявляющимся именно на данной третьей ступени. Эта ступень развивает оценивающее (в идеологическом смысле) слово,- не только с целью “вещного”, референтного употребления, но и для упорядочения взглядов на мир. При переходе от второй к третьей ступени появляется понятие эстетики (200, с.17).

4. Истолкование: слово получает характер интерпретации, философское свое измерение и служит не только в качестве означающего при уразумении, не только как описывающее употребление вещи и не только как морально-идеологически оценивающее, но и как инструмент философского познания, помогающий выяснять, что лежит в основе явлений.

Понятия “структура” и “функция” дополняют друг друга (250, с.95). Системы (и их подсистемы) можно представить как наборы: а) эквивалентных структур и различительных функций по отношению к “окружающему миру” (Umwelt) или б) эквивалентных “функций” и различительных структур. Концептуальное разграничение систем невозможно без учета

отношений к этому окружающему миру. Различные конкретные выполняемые задания (т.е. функции) могут рассматриваться только на фоне систем.

5.2. Функция vs. аргумент и функция как роль элемента

В данном противопоставлении “функция” имеет ту театральную коннотацию, которая типична для одного из социологических функциональных подходов (см. выше).

В свое время Г. Фреге (137, с.VII) полагал, что замена понятия “субъект” на понятие “аргумент”, а “предикат” на “функция” делает описание более прозрачным: содержание (Inhalt) речи есть функция (в математическом смысле) от некоторого аргумента. Например (137, с.16), в предложении “Катон убил Катона” при первом аргументе “Катон” имеем функцию “убил Катона”, при втором аргументе “Катон” – функцию “Катон убил”. Если же оба аргумента “вычесть” из реконструируемой функции, то получим: “убить”, которая соответствует выражению “убить себя”. Если в выражении, содержание которого не обязательно оценивается с точки зрения истинности, в одной или в нескольких позициях имеется какой-либо знак (простой или сложный), который можно заменить на другой – тоже в одной или в нескольких позициях, — то неизменная часть целого этого выражения называется функцией, а заменяемая часть – аргументом (137, с.16-17). Подлежащее, по Фреге, при этом является аргументом, выделенным из числа остальных “в уме говорящего” (137, с.18), следующий по важности аргумент – дополнение. Язык волен, когда нужно, тот или иной аргумент подавать в качестве главного, при помощи подбора слов и/или форм: ср. активный и пассивный залог, лексемы “труднее” и “легче”, “давать” и “принимать” и т.п. Эта гибкость ограничена лексическими возможностями языка. Если изобразить через “ $F(A)$ ” одноместную функцию, то, поскольку и сам символ “ F ” может быть заменен на другой, скажем, на “ F' ”, – можем сказать, что $F(A)$ – еще и функция от аргумента F (137, с.18). Сегодня эта разновидность часто называется пропозициональной функцией (см. 33, с.135-137).

Такое отделение аргументов от остальной части бывает и затруднительным, по чисто семантическим причинам: “Семантические области подлежащего и сказуемого постоянно пересекаются: идентифицирующая информация проникает в предикат, создавая наложение друг на друга указанных семантических зон; предикатные значения внедряются в значение подлежащего, маскирующегося под “данное”, под информацию, предназначенную для идентификации предмета сообщения” (1, с.375). Возможно, что “внутри состава подлежащего, и внутри состава сказуемого наиболее существенный в коммуникативном отношении компонент значения занимает наиболее периферийную позицию” (1, с.377).

Между функциями в этом понимании слова можно установить, вслед за Е. Курыловичем (см. его статью 1936 г. [24, с.59]), отношения иерархии: общий закон, касающийся отношения первичной синтаксической функции к вторичным синтаксическим функциям, состоит в следующем: Если изменение синтаксической функции некоторой формы (некоторого слова) A влечет формальное изменение A в B (при той же лексической функции), первичной синтаксической функцией является та, что соответствует исконной форме, а вторичной – та, что соответствует производной форме. Примеры: лат. *amat* “он любит” и *amans* “любящий” различаются только по синтаксической функции. Лексическое значение (действие) в обоих случаях одинаково; но, поскольку именно причастие образовано от личного глагола, а не наоборот, можно считать, что у слов с лексическим значением действия (т.е. у глаголов) первичной является функция сказуемого, а вторичной – функция определения. См. также (24, с.123).

Кроме участников действия, в качестве аргумента при функции могут выступать и другие элементы. Так, по О. Несу (255, с.185), главным аргументом глаголов (в противоположность отношениям типа “больше, чем”) является время. В локалистской концепции Дж. Андерсона (45) функции интерпретируются как производные от локативной – от указания на расположение референта (соответствующего тому или иному именованию в предложении) в пространстве.

Функции выделяются в результате анализа как связи или зависимости, регистрируемые в рамках научного описания. По Л. Ельмслеву (184, с.12), описываемый предмет задается тогда двумя путями: посредством анализа и посредством синтеза. В первом случае предмет этот рассматривается как функциональное единство, во втором же – как часть более крупного функционального единства (12, с.335-336).

В тагмемике (233, с.65) грамматические функции ассоциируются с множествами единиц и констукций. Функцию можно считать определяющим свойством некоторого множества, в то

время как множество можно назвать тем, что манифестирует некоторую функцию: “функциональное множество” можно назвать еще классом заполнителей некоторой “прорези”, слота (slot) – не реальной физической позиции, а тоже некоторой функциональной единицы. Функции тогда считаются формально выделемыми, а множествами, получаемыми при таком описании, можно оперировать так же, как и любыми другими множествами. Функция – роль, или задание, выполняемые одной формально выделимой частью конструкции в отношении к остальным частям. Предикатная часть предложения – “театр в миниатюре” (233, с.65). Опираясь на порядок слов, на падеж, на лексическую частотность, интонацию и т.п., можно выделить более или менее близкие наборы функций (233, с.66), набор функциональных классов, как правило, не зависит от выбора параметров в качестве основания.

Именно такой подход принят в стандартной генеративной модели (81): грамматическая функция приравнивается грамматическому отношению, а не грамматической категории (как было в иных грамматических концепциях). Чтобы быть последовательным, следует говорить поэтому не о подлежащем (или субъекте), сказуемом (или предикате) и т.п. как функциях, а о “предикате для” (predicate-of), “субъекте для” (subject-of) и т.п. По гипотезе о конфигурационности (принятой в стандартной модели, но отвергаемой, например, в реляционной грамматике), набор функций в предложении однозначно выводится из дерева НС: функциональность в синтаксическом представлении избыточна. Однако в более поздней модели “управления и связывания” грамматические функции существенны для получения логической формы предложения (85, с.42). Прослеживание функционального статуса той или иной составляющей (особенно именной составляющей) на протяжении трансформационной деривации предложения считается теперь важным и для установления логической интерпретации предложения в целом, вводится даже (85, с.42, 179) понятие функциональной цепи (functional chain) как функциональной истории составляющей.

Поскольку языковые системы в результате эволюции все больше и больше приспособлялись к исполнению коммуникативных функций, имеем, согласно (176, с.90), функции этих элементов в синхронной системе (описываемые в терминах морфологических оппозиций, синтаксических правил и т.п.). Одни элементы обладают большими функциями, другие – меньшими. Обычно трудно бывает проинтерпретировать функцию элемента, взятого в изоляции от остальных. Один и тот же элемент может одновременно выполнять несколько различных заданий: в качестве элемента поверхностной структуры передавать семантическую информацию, упрощать продуцирование и распознавание высказываний, обладать социолингвистическими и/или аффективными функциями и т.д.

Иногда для формализации грамматических функций – субъекта, предиката, косвенного объекта и т.п. – в рамках синтаксического представления используют дифференциальные признаки (типа: [+ прямой объект], [+ подлежащее] и т.п.), которые приписываются соответствующей составляющей (87, с.53). Изменение функции у именной составляющей по ходу трансформационной деривации тогда связано с изменениями не позиции этой составляющей в “рамке” предложения (как предполагалось в падежной грамматике) и не конфигурации дерева НС (как в стандартной генеративной модели), а набора этих функциональных признаков.

Грамматическая функция является центральным понятием лексико-функциональной грамматики (своеобразной теории функциональной интерпретации Дж. Брезнан, Р. Каплан и др.) и аналогична математической функции: аргументом является некоторая часть структуры предложения, а значением – обычно другая часть, рассматриваемая как подструктура первой. Такая функция не всегда определена для всех аргументов (это частичная функция), но не бывает “многозначной” (46, с.1). В этой же концепции (69, с.347-348) грамматические функции соотносят также поверхностную категориальную структуру с семантической предикатно-аргументной структурой: грамматическим функциям приписываются семантические роли еще в лексиконе, а синтаксические реализации – в категориальном синтаксическом компоненте. Десигнаторы в рамках лексических и грамматических схем могут указывать не больше чем на два проявления одной и той же функции (“принцип функциональной локальности”).

С эвристической точки зрения (47, с.65-66), такая грамматическая функция – любое отношение, полезное при определении структур в рамках предложения, в абстракции от конкретных грамматических принципов данного языка (типа согласования субъекта с глаголом). Различаются (47, с.80-97) три фундаментальных типа функций:

1. Ядерные (core) — выражают агентивность, субъектность, объектность и т.п. в рамках элементарного предложения-составляющей (clause).

2. Косвенные (*oblique*), типа придаточных дополнительных.
3. Внешние (*external*) — создают впечатление внеположенности базисной структуре предложения-составляющей, наиболее существенны в качестве прагматической функции. Например, топик как указание на соотношенность части предложения с целым дискурсом.

5.3. Функция как “использование” (*use*) и “употребление” (*usage*) языка

Как мы увидим далее, неформальным синонимом термина “функция” является в филологии и в философии языка термин “употребление”. В англоязычной литературе различаются *use* (далее переводим как “использование”) и *usage* (“употребление”), особенно тематизированные в трудах по “философии обыденного языка” (“оксфордской школы”), где предполагалось, что исследование употребления слов открывает картину сущности вещей, а потому важно было установить, предопределяется ли использование слова его употреблением или наоборот.

Исследователи второй половины XIX в. уже были в известном смысле функционалистами, когда говорили о влиянии употребления языка на его структуру. Так, Уитни в 1868 г. писал: “Характер языка не детерминируется правилами грамматиков и лексикографов, а употреблением (узусом – *usage*) общества, голосом и мнением говорящих и слушающих. Особенно естественно и эффективно это бывает, когда происходит неосознанно” (347, с.474). По Г. Паулю (1880), “Подлинной причиной изменения узуса является не что иное, как обычная речевая деятельность. Эта деятельность исключает всякое преднамеренное воздействие на узус... То обстоятельство, что речевая деятельность приводит к сдвигам в узусе ненамеренно, соответствующим образом вытекает из факта, что узус не полностью подчиняет себе речевую деятельность, оставляя всегда некоторый простор индивидуальной свободе” (27, с.53).

Конкретные факторы влияния узуса на грамматику выделял И. Ф. Буслаев, который в 1881 г. писал: “Употребление действует на язык двояко: благотельно, по обычаю сохраняя в нем древнейшие формы, как следы некогда действовавшего в нем закона”, и “разрушительно, вытесняя прежние формы, а вместе с тем ослабляя и силу тех законов, на которых они основаны... В обширном смысле употребление языка распространяется на все его местные наречия; в тесном смысле оно ограничивается речью книжной” (8, с.27).

Индивидуальное употребление языка (*Sprachgebrauch*) называют часто стилем, отличая его от общепринятого употребления (339, с.15-16). Это общее, по К. Фосслеру, “не что иное, как приблизительная сумма по возможности всех или, по меньшей мере, важнейших индивидуальных употреблений языка. Индивидуальное употребление, в той мере, в какой оно является конвенцией, т.е. правилом, описывается синтаксисом. В той же мере, в какой оно является творением индивида, рассматривается стилистикой”. Грамматическая неправильность – “нарушение языкового узуса. Грамматика кодифицирует узус; там, где он колеблется, пытается его укрепить” (340, с.2). Причем “тривиальный оборот речи в определенных контекстах тоже может звучать в высшей степени действенно и своеобразно” (339, с.15). При описании идут от индивидуального (от стилистики) к общепринятому (к синтаксису). Итак: все элементы языка являются стилистическими средствами выражения. Синтаксические и вообще языковые правила – “грубые, неточные понятия, полученные в результате эмпирических, позитивистских и поверхностных наблюдений, не выдерживающие критики со стороны строго идеалистического критического языкознания” (339, с.39).

Выбор выразительных средств, стиль сообщения и т.п. часто относят к сфере индивидуального намерения. Однако этот выбор всегда дает ключ к пониманию выражений: то, как нам нечто сообщается, тоже есть информация, иногда даже более значимая для слушающего, чем объектное содержание (156, с.203). Социально нормированы не только собственно языковые средства, но и все, что зависит от социального окружения индивида, от его образования и отражает степень формальности речи в конкретных условиях.

Несмотря на индивидуальность, употребление языка, предназначенное для передачи мнений, желаний, намерений, оценок, предпочтений и описаний, представляет деятельность, отражающую социальный и культурный жизненный мир (338, с.9). Приравнивание значения употреблению языка, столь популярное со времен “позднего Виттгенштейна” (351), созвучно прагматическому направлению в языкознании и в философии языка. Носителями языкового значения теперь становятся не сами выражения, а речевые действия.

Сопоставление языковых отношений между элементами предложений как носителями значения, реконструируемые в логико-синтаксическом аспекте, с одной стороны, и обстоятельствами и свойствами речевых действий, с другой, актуализируется с особенной глубиной в теории речевых актов у Дж. Остина и Дж. Р. Серля. Привязка этого соотнесения к интенциональному (у П. Грайса (153) и к конвенциональному (у Д. Льюиса (231) явилось дальнейшим развитием все того же подхода. Можно сказать, что употребление языка и цель этого употребления – достижение понимания людей, — становятся главными составляющими этой теории.

Употребление, по Л. Ельмслеву (185, с.76), – то, что в речи стабильно. Это множество межуровневых “коннексий” – связей (или “когезий”, в смысле “Пролегомен” (12), эффективно реализованных. Комбинации, являющиеся вариантами межуровневых связей, принадлежат речи, а не употреблению и составляют остаток от речи, из которой вычеркнуто употребление. Этот остаток называют языковым, или семиотическим, актом.

В феноменологической концепции Х. Ортеги-и-Гассета (264, с.14) использованием (*uso*, по-испански также означает “обычай”, “обыкновение”) называется “то, что думаем или говорим, поскольку так говорится, то, что делаем, потому что так делается”. Свойства использования таковы (264, с.15):

1. Использование – механическое навязывание, действия, выполняемые под давлением социума. Оно состоит в антиципации “моральных” или физических репрессий, которые будут применены, если мы не подчинимся этому использованию.

2. Использование иррационально, это действия, точное содержание которых (то, что мы по существу делаем, совершая их) для нас непостижимо.

3. Использование – внеиндивидуальная и безличная реальность. Мы реагируем на него как на форму поведения, являющуюся давлением, силой и нашей личности, и любой другой личности, потому что по отношению к ближнему использование таково же, как по отношению к нам.

Следуя “использованию”, мы ведем себя как автоматы, в духе общества и коллективности (264, с.15). Общество, несмотря на то, что является “механизмом”, — своеобразная машина, делающая из нас людей. Использование производит в индивиде следующие три вида действий (264, с.16):

1. Это “линейка”, мерило, следуя которому можно предвидеть поведение даже незнакомых нам индивидов. Поэтому мы “как бы сосуществуем” с теми, кого еще не знаем (ведь по-настоящему сосуществуют только с теми, кого знают хорошо).

2. Осуществляя давление с помощью определенного репертуара действий – идей, норм, техник, — “использование” заставляет индивида жить в духе своего времени, пользуясь наследием предшествующих времен. Человек одновременно представляет и прогресс, и историю, а общество накапливает достижения прошлого.

3. Без такого “использования” (автоматизирующего большую часть поведения человека и приводящего к осуществлению программы почти всего того, что следует сделать) личность не смогла бы концентрироваться на своей собственной жизни, творческой и истинно человеческой, в конкретных направлениях. Общество ставит человека лицом к лицу с его будущим, что позволяет создавать новое, рациональное и более совершенное.

Вообще говоря, “использование” неоднозначно (256, с.93), это: 1) наблюдаемое поведение, т.е. конкретные акты, в которых мы произносим последовательности звуков или записываем символы; 2) характерные способы прибегать к помощи выражений языка, регулируемые конкретными правилами, общими для членов языкового коллектива.

У Л. Витгенштейна использование определялось как “правдоподобный способ употреблять язык”, а смысл слова – как семейство закономерных путей употреблять его (см. об этом (344, с.256). О соотнесении выражения и употребления выражения – соответственно, значения и референции – у Б. Расселла см. (1, с.184).

По Г. Райлу (293, с.48), использование – способ, которым обращаются с чем-либо (в том числе, со словом), а не социологические обобщения. Правила употребления слова *use* разрешают говорить о том, как “использовать” слово, но не конкретное предложение (293, с.51). Вот ход мысли Райла. Повар использует соль, сахар, муку и т.д. для изготовления пирога. Используются (иногда и неправильно) ингредиенты, но не целое, не пирог (293, с.51). Можно попросить человека ответить на вопрос, отдать приказ, рассказать анекдот, используя конкретное слово или словосочетание. Но совсем другое дело, когда мы просим его произнести или написать это конкретное слово или словосочетание, — тогда мы просим не использовать

(вкрапить в свою речь) слово или словосочетание, а только произнести или написать его (293, с.52).

Употребление же, по Райлу – обычай, принятая практика, мода или манера. Употребление может быть местным или всеобщим, устарелым или современным, деревенским или городским, вулгарным или академичным. Выявление использования языка – задача филологическая, а не житейская – в отличие от употребления (293, с.48) (ср. (342, с.96), где это положение оспаривается).

Использование внеположено конкретному языку (131, с.65). Использование слова *table* в английском языке – то же, что использование слова *tavola* в итальянском, “стол” в русском и т.д. Использование связано не со словом языка как таковым, а с выразителем понятия – “концепта”, в нашем примере – понятия “стол”. У слова может быть “использование” только в той степени, в какой языковой коллектив устанавливает его слову и признает в качестве правильного употребления. Итак, использование слов зависит от их правильного употребления. Для концептуального анализа (т.е. анализа использования слова) существенны далеко не все свойства употребления. Так, личные местоимения больше интересуют лексикографа, чем философа языка (131, с.67). В отличие от использования, употребление привязано к конкретному языку: исследуя употребление слова “стол”, мы заняты тем, как конкретное (русское, английское и т.д.) слово применяется (или должно применяться) теми, кто прибегает к его помощи, а не теми, кто в своей речи применяет иное именование, скажем, *tavola* (131, с.65).

Обычное использование слова может отличаться от философского (292), ср. (247, с.123), вопрос только в чем. Б. Мейтс полагал, что у “обычного” использования много различных смыслов, зависящих от методов верифицирования высказываний, в которые выражение входит (247, с.130). В философии языка есть два подхода к проверке того, что данный человек использует слово именно данным образом: экстенциональный и интенциональный. Результат обоих для описания обыденного употребления всегда одинаков, поэтому реальная процедура обычно их комбинирует. При первом сначала собирают достаточно большой корпус использований слова, на основании чего и выводят значения слова. При интенциональном же подходе обращаются к информанту, спрашивая, какой смысл вкладывает он в данное слово и как он использует его, попутно пользуясь сократовской майевтической процедурой; предъявляют контрпримеры и пограничные случаи, наблюдают, как информант выходит из этих затруднительных положений; результатом бывает определение или пояснение (247, с.125).

Дж. Остин (50) считал, что использование языка и использование предложения обладают тремя “измерениями”, — теми же, что и вообще речевые акты. А именно, в формулировке работы (135, с.30) мы обычно делаем сразу три вещи: 1) произносим нечто; 2) указываем, как мы хотели бы, чтобы слушающий воспринимал сказанное; 3) достигаем определенных эффектов в слушающем в результате речи. Соответственно, в остиновских терминах, имеем: локуцию, иллюкуцию и перлокуцию. Эта линия продолжена и у Я. Хинтикки (37, с.246), приравнивающего использование языка речевому акту.

Адекватность теории использования языка, по (62, с.82), зависит от того, каким способом характеризуется знание языка, т.е. от грамматики. Эту теорию нельзя построить непосредственно, можно только опираться на теории компетенции, на алгоритмы, на их имплементации и на соответствия между этими уровнями объяснения. Поскольку значение выражения – результат взаимодействия собеседников и постоянно модифицируется по ходу общения, т.е. по ходу использования языка, “теория использования”, по (107, с.95), может претендовать не на точное объяснение и предсказание результатов интерпретации речи в конкретной ситуации, а только на то, чтобы указывать степень вероятности той или иной интерпретации.

При этом (83, с.70) использование языка человеком не всегда в первую очередь информативно (в реальности или только в намерении говорящего): язык используется как для информирования, так и для того, чтобы ввести в заблуждение, как для пояснения мыслей, так и для демонстрации остроумия или как игра. Вряд ли человек обладает заранее определенным “речевым репертуаром”, — набором высказываний, произносимых по привычке в уместных обстоятельствах, или готовым набором структур высказываний (*patterns*), заполняемых нужными морфемами только по мере необходимости (последнее справедливо скорее в отношении клише) (83, с.118).

Действительное, а не идеализированное использование языка, по (123, с.72), связано с тремя характеристиками семантических систем конкретного говорящего:

1. Слои конвенциональности, представленные в языке, поскольку (254) есть не только конвенциональность, или произвольность, в соотношении элементарных знаков к значению, но и конвенциональность в соотношении контекстов с теми значениями, которые в рамках этих контекстов могут быть переданы. Есть и взаимозависимость между контекстами и конкретными выражениями, с помощью которых передаются конвенционализованные значения в этих контекстах.

2. Механизмы вмешательства контекста и фона в построение значений высказываний при конкретном использовании их.

3. “Структурные формулы” – выражения языка, подчиняющиеся и правилам грамматики, и намерениям говорящего. Это застывшие выражения, обладающие своей лексикой и грамматикой, а также конвенционально закрепленной просодией.

6. Функция и дисфункция

Как и в биологии, языковая функция предполагает возможность дисфункции. Особенно широко эта метафора эксплуатировалась в концепции А. Гардинера (139, с.141). Факту языка слову-форме (word-form) – соответствует акт речи – “слово-функция” (word-function), взятый как синоним для “исполнения” (performance; этот термин позже широко использовался в теории Н. Хомского в противопоставлении к competence). Эта функция указывает на целенаправленность и на результаты, достигаемые по ходу акта речи. Цель говорящего – привлечь внимание к чему-либо. Слова играют роль воздействующей силы, предназначенной представить вещь, которую имеют в виду (thing-meant), как обладающую определенным формальным свойством.

Слово-функция может быть конгруэнтной или неконгруэнтной слову-форме (139, с.142). Первый случай – когда слово употребляется с целью представить вещь, которую имеет в виду говорящий, формально и в том ключе, в котором, по замыслу говорящего, слушающий должен ее “увидеть”. Конгруэнтность гарантируется (в некоторой ситуации) учетом формы всех других слов в предложении (139, с.143). Например, предлог предполагает последующее существительное; если это ожидание не оправдывается, функция неконгруэнтна форме — иначе же бывает достаточно только упомянуть форму употребляемого слова. “Функция” предполагает, более того, особую значимость роли слова в предложении, задаваемой в грамматике сферой действий для каждого слова-формы (139, с.145). Кроме того, функция – в противоположность дисфункции – полностью видна только в высказывании (245, с.188- 189).

К конгруэнтным функциям относятся: роль существительного как определяемого и как знака для объектов (вещей), роль прилагательного как определения, обозначающего качества, роль фонемы внутри слога (например, такая роль гласного влияет на степень его открытости) и т.д. (24, с.29).

Причиной дисфункции в речи чаще всего бывает конфликт двух языковых форм, приводящий к неконгруэнтности. Неконгруэнтность имеется, например, в выражении the then king “тогдашний король” (букв. “тогда-король”) (139, с.160-161). По-английски это сочетание менее обычно, чем the good king “добрый король”, но все-таки допустимо. Слово-форма then “тогда” указывает на одно направление развития речи, а синтаксическая форма – на другое.

Неконгруэнтность ощущается либо в отживающих, либо в недавно появившихся употреблениях, что порождает ощущение неправильно сказанного, напряженности, неестественности. Итак, неконгруэнтная функция – правильный, но необычный способ подать выражение, часто выбираемый, когда затруднено употребление других альтернатив. К неконгруэнтности тесно примыкают метафора и ошибка (139, с.164). В результате неконгруэнтности функций и развивается язык: отдельные акты речи постепенно подталкивают старую форму в новом направлении, и тем устраняют неконгруэнтность (139, с.163).

Итак, дисфункция связана с нарушением ожиданий интерпретатора речи, а нормальное функционирование – с подтвержденностью их.

7. Полифункционализм языка: суперпозиции и иерархии функций; функциональная насыщенность текста

Уже давно отмечалось, что необходимо “изучать как те формы языка, где преобладает исключительно одна функция, так и те, в которых переплетаются различные функции; в

исследованиях последнего рода основной проблемой является установление различной значимости функций в каждом данном случае” (35, с.25).

Дж. Беркли в 1710 г. писал: “... сообщение идей, обозначаемых словами, не составляет, как это обыкновенно предполагается, главной и единой цели языка. Существуют другие его цели, как, например, вызов какой-либо страсти, возбуждение к действию или отклонение от него, приведение души в некоторое частное состояние, — цели, по отношению к которым вышеназванная цель во многих случаях носит характер чисто служебный или даже вовсе отсутствует, если указанные цели могут быть достигнуты без ее помощи, как это случается нередко, я полагаю, при обычном употреблении языка” (4, с.166).

“Функция данного предметного содержания в замкнутом единстве индивидуальной психической жизни”, т.е. “пережитость или переживаемость всякого внепсихического содержания”, позволили В. Н. Волошинову говорить о том, что мы можем назвать суперпозицией функций – “что” и “как” переживания (10, с.39).

Именно этого взгляда придерживался и Н. Хомский (84, с.229), который рассуждает следующим образом. Обычно к функции языка относят коммуникацию как главную цель, — только она, как предполагают, проясняет природу языка. Но что же такое “главная цель”? Что можно назвать, скажем, коммуникацией в отсутствие аудитории? Когда аудитория безответна, лишена права голоса? Когда у вас нет никакого намерения передавать информацию или изменить мнение или установку по отношению к чему-либо? Итак, либо термин “коммуникация” не столь прозрачен, как кажется, либо же коммуникация – не главная функция языка (84, с.230). Все-таки более правдоподобен взгляд “позднего Л. Витгенштейна”, полагавшего (351), что язык обладает многими функциями, но основная – умозаключение (ср. 207, с.71). Иначе говоря, именно эта функция лежит внутри всех суперпозиций.

Именно суперпозицию имел в виду и Р. Якобсон, писавший: “Вряд ли есть речевые сообщения, выполняющие только одну функцию. Разнообразие заключено не в монополии какой-либо одной из этих функций, а в различном иерархическом порядке функций. Речевая структура сообщения зависит, в первую очередь, от главенствующей функции” (202, с.66) (имеется в виду функция, главенствующая в конкретном эпизоде речи).

Кроме суперпозиции (наложения) функций есть и иерархия их. Различаются иерархия функций языка вообще и функций элементов в системе языка. Пример первой дает Ш. Балли, второй – Е. Курьлович.

Ш. Балли полагал: “Первоочередная функция языка заключается в том, чтобы обеспечивать индивидуумам группы возможность общаться друг с другом. Чтобы узнать, отвечает ли язык и в какой степени требованиям общения, нужно эти требования определить; мы резюмируем их намеренно жесткой формулой, которая в контексте с фактами приобретает большую гибкость: язык служит потребностям общения в том случае, если он позволяет передавать мысль с максимумом точности и минимумом усилий для говорящего и слушающего” (2, с.392). И далее: “Легко понять, однако, что такое упрощение не обходится без серьезного ущерба для выражения оттенков индивидуальной мысли и что, в частности, такая стандартизация стесняет эмоциональные движения. Вообще можно допустить, что потребности общения противоположны потребностям выражения; однако для доказательства этого недостает еще подробных исследований” (2, с.393- 394).

Е. Курьлович различал первичную функцию (или значимость – *valeur*) и вторичные функции (24, с.19). Например, первичная функция мужского рода – “общее” личное значение, поскольку “именно мужской род употребляется там, где пол не различается” (24, с.103). Причем “первичная функция не имеет ничего общего с этимологическим значением формы. Эта функция связана со значимостью формы, определяемой в системе и независимой от семантического окружения” (24, с.103). Поэтому: “можно говорить о первичной функции аккузатива в роли прямого дополнения и о ряде вторичных функций: аккузатив цели (др.-инд. *paḡaḡam daschati* “идет в город”, лат. *Romam ire* “идти в Рим”), протяженности, цены и т.д. Условия употребления аккузатива во вторичной функции всегда могут быть определены. Условия эти – контекст, но не в каком-то неопределенном смысле: это прежде всего семантическое содержание глагола, от которого зависит падежная форма. Окончание аккузатива как бы приспосабливается к глаголу, проникаясь его специальным значением. Первичную функцию, напротив, так определить не удастся. Пользуясь терминологией Бюлера, она “обусловлена в системе” (*systembedingt*), в то время как вторичные функции “обусловлены в поле” (*feldbedingt*)” (24, с.184).

С помощью лексем (обладающих интенциональными потенциалами значения) или их комбинаций в рамках конкретной “языковой игры” (в витгенштейновском смысле) совершается референция к вполне определенным предметам или изображаются конкретные десигнаты предикатов. Потенциалы каждой лексемы одновременно и гибки, и ограничены (251, с.73): с одной стороны, они предопределяют референцию к множеству разнообразных предметов и изображение целого спектра десигнатов предметов, а с другой — явно ограничивают набор объектов, допустимых в качестве референтов и/или десигнатов предикации. Именно поэтому значения слов взаимообусловлены в контексте, так что из выбора слов “высвечивается” тематическая структура текста (251, с.77).

Из сказанного вырисовывается следующая картина. Текст обладает функциональной насыщенностью (251, с.33) в той степени, в какой:

1. Каждая часть текста делает явный вклад в свою иллокуционную функцию (как и в теории речевых актов, под иллокуцией понимается тип намерений, осуществляемых с помощью высказывания): насыщенность соответствует степени связанности (непрерывности) текста. Вкрапления чужеродного материала приводят к уменьшению понятности, к нарушению правил разумного общения, а потому и к меньшей функциональной насыщенности.

2. Почти все элементы текста (любой величины – слова, члены предложения, целые предложения, группы предложения и т.д.) обладают функцией, указывающей на индивидуально-ситуативный контекст, выводящий за рамки отдельно взятого предложения. Такая функция может быть результатом суперпозиции – композиции других функций.

3. Далеко не всегда одной части текста приписана одна функция. Каждая часть текста обладает функциями на различных уровнях иерархии и смысла: у предложения может быть, скажем, одна функция по отношению к соседним с ним предложениям, а другая – по отношению к более крупному единству, в которое входит и которому подчинено. Предложение может, например, играть некоторую роль в развитии темы (направлять ход повествования), обладать аргументативным статусом и выполнять стилистико-эстетическую функцию.

Соответственно, различаются насыщенное и ненасыщенное употребления языка (313). Одни и те же свойства языка эксплуатируются самыми разными говорящими, но для некоторых из них наиболее характерны одни, а не другие свойства. Например, страстный обмен мнениями (с соответствующими просодией, синтаксисом и лексикой) по поводу технических моментов футбола в принципе возможен в любой компании, однако в наибольшей степени он типичен для мужской компании, да и то не всякой (314, с.9), а только в той, где такое употребление считается “насыщенным”.

8. Некоторые наиболее часто упоминаемые функции языка

Ниже мы перечислим в алфавитном порядке и кратко охарактеризуем функции, наиболее часто упоминаемые в литературе, при этом мы не претендуем на полноту и исчерпанность. Это позволит нам изложить материал в следующем разделе. В скобках при этом мы ставим, где необходимо, термин на языке оригинала.

8.1. Апеллятивная функция (appellative function): выполняется, например, формами обращения (316, с.163); основана на том, что “получатель” доступен отправителю в качестве адресата, а потому имеется возможность обратной связи с этим адресатом, что вызывает необходимость в учете (отправителем) фоновых знаний своего адресата (257, с.58).

8.2. Аргументационная функция (argumentative function): по (330), у аргументации имеется шесть разных функций: данные, вывод (содержание утверждения), обоснование, предварительные соображения, квалификация аргументации и условия, при которых допускаются исключения (rebuttal). Большая часть этих функций в реальном аргументирующем тексте обычно отсутствует (111, с.197), поэтому в рамках описания дискурса следует скорее говорить: а) о данных, б) об утверждении и привязанном к нему в) квалификация, а также г) об аргументативных функциях как семантических отношениях внутри текста, служащих цели доказательства или аргументирования, а именно: условие, импликация, каузальность, диагноз, уступка, целеполагание, следствие, сопоставление, поправка, контраст. Именно последними и

ограничивается П. Майер в своем определении (251, с.104): аргументативные функции – функции языковых выражений в тексте, указывающие на аргументативный статус конкретного фрагмента текста. Они составляют базовый уровень интерпретации для остальных иллюкативных функций, оперирующих в тексте, указывая на аргументативный статус презентации положения дел в тексте. Неудачно реализованные аргументативные функции могут помешать отстаиванию точки зрения, иногда даже скомпрометировать сам тезис.

8.3 Аффективная функция (affective function): обычно то же, что эмотивная функция, в противопоставлении когнитивной функции. (208, с.139): все мировоззрения, будучи чувственно воспринимаемыми, покоятся на аффекциях, а понятия – на функциях. Однако метафоры служат как когнитивной, так и аффективной функциям (68, с.8), поскольку в силу своей расплывчатости вызывают эмоции, а не только представления.

8.4 Вокативная функция (vocative function): функция имен, используемых при привлечении внимания человека, к которому обращаются (236, с.217); одна из базисных семиотических функций. Различие между референтным и вокативным употреблением имен и званий во многих языках систематизировано как различие между терминами референции и терминами адресования; например, в падежных системах неиндоевропейских языков.

8.5. Вторичная функция (secondary function; fonction secondaire): по (21, с.31) — “принадлежность формы к определенному классу (категории) определяется первичной функцией. Французские глаголы avoir и être являются глаголами, хотя и употребляются при определенных условиях как синсемантические элементы (il a dormi “он спал”, il est venu “он пришел”, il est jeune “он молодой”). В крайнем случае можно выделить специальный класс вспомогательных слов с двойной функцией, причем вторичная функция – это функция синсемантом. Исходя из аналогичной идеи, мы выделим особый класс конкретных падежей, занимающих промежуточное положение между наречиями (первичная функция) и грамматическими падежами (вторичная функция)”.

Кроме того: “Конкретные падежи также имеют первичные и вторичные функции. Первичная их функция – наречное употребление; однако от наречий их отличает наличие вторичной функции, которая состоит в том, что падежное окончание, лишенное семантического значения, становится простым синтаксическим показателем. Это происходит в тех случаях, когда конкретный падеж употребляется глаголом со специальным значением. Достаточно обратиться к синтаксису любого индоевропейского языка, чтобы убедиться в том, что все конкретные падежи – и инструменталь, и аблатив, и локатив – могут после определенных глаголов становиться грамматическими”. И далее: “Если грамматический падеж более централен, чем конкретный, то и конкретный падеж, употребленный во вторичной (синтаксической) функции, более централен, чем конкретный падеж в первичной (наречной) функции. Например, в *potiri civitate armis* “захватить город силой” (букв. “оружием”) первый (управляемый) аблатив *civitate* более централен, чем второй (свободный) аблатив *armis*, имеющий инструментальное значение; отсюда (*potiri civitate*) *armis*. И, наконец, грамматический падеж, употребленный во вторичной (наречной) функции, периферийнее, чем тот же самый падеж в первичной функции, например: *Dies circiter XV (iter fecerunt)* “Они проделали путь приблизительно за пятнадцать дней”. Грамматикализация падежной формы сообщает ей центральное положение среди определяющих глагола; адвербиализация падежа, напротив, отбрасывает его на периферию глагольной группы” (22, с.188). Позже Курылович пришел к следующему выводу: “Значения или формы имеют первичную функцию в тех случаях, в которых максимально различаются, вторичную же там, где разница между ними частично исчезает” (23, с.248-249).

В работе 1961 г. разграничение проводится по линии “более широкая – более узкая зона употребления” (218, с.7). В истории языка обычен случай, когда вторичная функция приобретает формальную независимость.

8.6. Выраженная функция (expressed function) = манифестированная (manifest function): по (337, с.9) выраженность в собственном смысле слова сопровождается семиотическими средствами, функционирующие для прямого и, как правило, интенционального выражения эмотивности. Выраженная, или манифестированная функция в социологической концепции Мертона (298, с.11) является единственным предметом исследования; этой установке противостоит

герменевтика Гадамера, в которой, как и в романтической герменевтике, ставится цель выявить даже невыраженные функции, заложенные только в замысле автора текста, – при попытке понять автора лучше, чем он сам себя понимал.

8.7. Грамматическая функция (grammatical function): Дж. Катц (209, с.113) различал три типа функций у членов предложения: грамматическую (подлежащее, сказуемое и т.п.), риторическую (данное – новое, топик – комментарий и т.п.) и семантическую (агенса, средство, результат и т.п.). В модифицированной падежной грамматике позже Ч. Филлмор (122, с.60-61) предложил переформулировать эти отношения в терминах “перспективы” предложения. Каждый глагол, идентифицирующий определенный аспект события, описываемого в предложении, навязывает определенную перспективу рассмотрения ситуации. Проявлением такого выбора точки зрения как раз и является выбор грамматических функций, соответствующих подлежащим и объектам исходной структуры предложения (122, с.72-74). Так, если я хочу занять точку зрения продавца, я выберу глагол “продавать”, а заняв точку зрения покупателя, я использую глагол “потратить” и т.д.

Близкий подход был позже принят на вооружение в модели “управления и связывания” Н. Хомского (85), одним из главных компонентов является теория тематических ролей – тетаролей. Каждый глагол задает каждому своему семантическому аргументу некоторую тета-роль в соответствии с данными лексикона. На самом глубинном синтаксическом уровне (в D-структуре) поэтому прямо отражаются все грамматические функции, см. также (134, с.140). Используются грамматические функции и в “грамматике лексических функций” Дж. Брезнан (69, с.375) для объяснения анафорических отношений (критику см. (296, с.457)). (Сопоставление этих двух подходов – Н. Хомского и Дж. Брезнан – см. (350, с.639-669). Эти и подобные подходы предназначены объяснить, почему предложения типа “give John the book” звучит естественно, а “return John the book” – нет (272, с.52). Если воспользоваться “театрально-ролевой” коннотацией термина “функция”, можем сказать, что естественно звучат предложения, в которых параметры роли действующих лиц в конкретном предложении соответствуют амплу исполнителей.

8.8. Дейктическая функция (deictic function): ею обладают, в частности, указательные местоимения и наречия в так называемых “практических ситуациях”, локализованных в конкретном пространстве и времени (235, с.61). Согласно (236, с.664), местоимения в огромном большинстве случаев употребляются именно в чисто дейктической функции, например: “Что ЭТО у тебя в руке?”, когда нет смысла говорить о результате прономинализации как грамматического процесса замены одной из кореферентных составляющих на местоимение. Большой интерес представляет для грамматистов случай нечисто дейктической функции, когда, например (6, с.7), категория лица глаголов и местоимений как грамматический центр личности полифункциональна и выполняет, среди прочего, “собственно семантическую дейктическую функцию соотношения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта (соотношения как пересечения или непересечения)”.

8.9. Десигнативная функция (designational function; Bezeichnungsfunktion): в “Энциклопедии” Гегеля, как показывает (190, с.399-400), имеется в виду именно эта функция, суть которой – то, что дух приписывает внешнее и одновременно идеальное существование тем представлениям, которые сам же выводит из образов своего мировоззрения.

8.10. Динамическая функция (dynamic function): по (130, с.158), индивид создает динамические функции в языке и в логике. Эти личностные функции динамичны в силу того, что, будучи связанными, они создают изменения, предопределяют путь познания личностью мира.

8.11. Дискурсивная функция (discourse function; discursive function): функция, нацеленная на уместное употребление предложения в дискурсе (244, с.15). Такую задачу решает, например, стратегическое расположение “тем” в предложении (215, с.326) (впрочем, когда считают темой первую составляющую предложения (165), лишают понятие темы такого функционального заряда). В терминах коммуникативного динамизма (128) можно сказать, что тема является элементом с минимальной дискурсивной функцией (у Фирбаса: с наименьшей

степенью коммуникативного динамизма), т.е. оказывающей наименьшее влияние на развитие дискурса.

В “функциональном синтаксисе” С. Куно выделяются четыре дискурсные функции в предложении (214): тема, контраст, исчерпывающее перечисление, нейтральное описание. Иногда (67, с.59) нейтральное описание (предложение, не опирающееся на предшествующий дискурс при выполнении своей функции) противопоставляют остальным.

Согласно (188, с.703), главные части речи – имя существительное и глагол – являются универсальными лексикализациями таких прототипичных дискурсных функций, как “дискурсно-управляемый партиципant” (discourse-manipulable participant) и “сообщаемое событие” (reported event). Граматики языков обычно относят к этим категориям единицы с морфосинтаксическими показателями, в зависимости от того, насколько они близки к своей прототипической функции.

8.12. Дискурсно-прагматическая функция (discourse pragmatic function): три больших группы таких функций выделяются по отношению к порядку слов (268, с.309):

- статус, приписываемый информации;
- очень маркированные операции изменения отношений;
- членение дискурса.

Различные языки по-разному упорядочивают свой дискурс в этом отношении. Неудачи в упорядочении дискурсно-прагматических функций, несмотря на полную правильность в языковом отношении, вызывают замечания информантов, типа: “Я это понял, но мы так не говорим” (268, с.310).

Дискурсно-прагматические функции используются для установления референтов используемых имен и словосочетаний. При интерпретации дискурса обычно номинальная интерпретация предложения, без домысливания, возможна без переосмысления пресуппозиций для предшествующих предложений; этот случай аналогичен тому, когда употребление определенного артикля интерпретируют как референцию говорящего к старой информации. Однако некоторые такие интерпретации опираются не на семантические пресуппозиции, а на дискурсные функции; например, когда мы относим референт, упоминаемый говорящим, к определенному классу (118, с.164).

8.13. Знаковая функция (sign function): в глоссематике (12, с.306) имеет место между выражением и содержанием знака и характеризуется как “солидарность” (12, с.307). По Гадамеру (138, с.159), “символ” обладает знаковой функцией, если указывает на социальную или религиозную соотнесенность разных людей; причем этот символ тогда является не просто знаком, он не только указывает на такую соотнесенность, но даже может ее конституировать. Иногда термин “знаковая функция” употребляется как синоним терминов “репрезентация” и “семиологическая функция” (32, с.239). Как указывает Н. Д. Арутюнова, “в языке могут быть выделены монофункциональные знаки, осуществляющие либо только идентифицирующую (имена собственные, действительные слова), либо только предикатную функцию (нереферентные слова), и бифункциональные знаки, способные играть любую из этих ролей. Семантика этих последних приспособлена и к тому, чтобы называть, и к тому, чтобы обозначать” (1, с.329).

8.14. Идеационная функция (ideational function): обладая этой функцией (166, с.143), язык служит выражению “содержания” – т.е., опыта человека (носителя языка) в реальном мире, включая сюда внутренний мир его собственного сознания. Эту идеационную функцию можно переопределить и в поведенческих, и в чисто понятийных терминах. Выполняя эту функцию, язык одновременно структурирует опыт и помогает определять свой взгляд на вещи (ср. также (78, с.27-28). Синонимы для названия этой же функции: репрезентационная, когнитивная, семантическая, фактически-понятийная и экспериенциальная (166, с.146). Примером идеационной функции является транзитивность (166, с.148).

8.15. Иконическая функция (iconic function): по (43, с.9), фонологические правила, помимо фонетической функции, имеют еще и иконическую (304, с.111): создают дистрибутивную репрезентацию парадигматических отношений, определяющих множество фонем. В итоге парадигма предстает в диаграмматическом виде, что и называется иконической функцией правил. То же можно сказать и о других видах правил.

8.16. Иллокутивная функция (illocutionary function): функция, выполняемая высказыванием как некоторым типом речевого акта – как иллокутивным актом, например, (74, с.277). В отличие от перлокутивной функции, ориентированной на внешние последствия речевого акта, иллокутивная функция нацелена на внутренние последствия (265, с.123). Согласно (227, с.104), можно выделить четыре типа иллокутивных функций, в зависимости от того, как они связаны с социальной целью установления и поддержания равных отношений между людьми:

- конкуренция, когда иллокутивная цель конкурирует с социальной целью, например: приказ, вопрос, просьба;
- совпадение, когда иллокутивная цель совпадает с социальной ролью, например: предложение, приглашение, приветствие, благодарение, поздравление;
- сотрудничество, когда иллокутивная цель безразлична по отношению к социальной цели, например: утверждение, сообщение, объявление, инструкция;
- конфликт, когда иллокутивная цель находится в конфликте с социальной целью, например: угроза, обвинение, проклятие, упрек.

Из них первые две существенно связаны с вежливостью.

Согласно (251, с.102), иллокутивная функция в тексте – то, что отвечает на вопрос “How to do things with texts” (как добиваться своих целей с помощью текстов). С помощью таких функций уже воспринятые фрагменты текста переинтерпретируются. Выделяются (251, с.104) три крупных класса иллокутивных функций в тексте: семантико-топиковые, каузальные и аргументативные.

В отличие от интерактивных функций, иллокутивные можно перифразировать с помощью перформативного глагола (288, с.11). Различаются инициативная (нацеленная на то, чтобы вызвать реакцию у собеседника) и реактивная иллокутивные функции (288, с.25), каждая со своими условиями совместной встречаемости (253, с.136-146). Каждое достижение договоренности (négociation) состоит из трех фаз: инициатива говорящего, реакция собеседника и оценивающее действие говорящего. Каждая такая фаза называется интервенцией. Иллокутивной функцией тогда можно назвать то, что связывает между собой эти интервенции (287, с.189-190).

8.17. Имагинативная функция (imaginative function): по (168, с.17), функция создания “как бы”, когда действительность как бы (вос)создается, а не зеркально (как было бы в случае репрезентационной функции) отражается.

8.18. Индексальная функция (indexical function): по (311, с.175), функция, противопоставленная целевой функции языка. Аналитически задаваемые индексальные функции общи для фрагментов языковой формы, являясь индексами для некоторых элементов, выделяемых в контекстных параметрах.

8.19. Инструментальная функция (instrumental function) языка обычно (236, с.130) – базисная, примитивная функция высказываний (у бихевиористов – функция специального типа стимулов, 'mands' (312)), позволяющая говорящему сделать так, чтобы кто-либо сделал нечто для него. В системной грамматике Халлидея инструментальная функция, или “функция типа “Я хочу”” – употребление языка для удовлетворения материальных нужд. По (14, с.228): “Общность единиц речи и мысли состоит в том, что они имеют единую дискретную основу, обеспечиваемую языком. [...] дискретные операции языка осуществляются на едином материале – “внешнем мире”, или мире действительности, что приводит к тому, что у единиц мысли и у единиц речи оказывается одно и то же содержание. Но далее включается функциональное различие мысли и языка. Соответственно с этим происходит и дифференциация “инструментальных функций знака”, которых, следовательно, оказывается две [...] одна “инструментальная функция знака” заключается в том, что он является средством познания, а другая – в том, что он является средством общения. Эти функциональные различия знака приводят к тому, что в обоих указанных видах его применения используется разный синтаксис и разная синтаксическая “техника”. В первом случае (знак – средство познания) мы имеем дело с единой общечеловеческой физиологической и психологической основой, в результате чего синтаксис мышления стоит над национальными разграничениями. Но он, разумеется, имеет различные индивидуальные градации в отношении своего совершенства, обусловленные степенью культурности, профессией, личной одаренностью. Во втором случае (знак – средство

общения) приходится подчиняться кодексу строгих правил, условно принимаемых в целях обеспечения всеобщей удобопонимаемости”. Итак, существуют две инструментальные функции языка: когнитивная и коммуникативная.

8.20. Интеракциональная функция (*interactional function; interactive function*): по (168, с.17), в отличие от регулятивной функции “делай, как я тебе говорю”, интеракциональная функция – функция типа “я и ты” (включая – в детском общении – “я и мама”). При устном рассказе интеракциональная и коммуникативная функции разграничиваются (278, с.290) (хотя при этом не отрицается, что общение, или коммуникация, является разновидностью интеракции (276, 277). А именно, интерактивные функции реализуются посредством формы рассказа как одной из множества форм презентации положения вещей. По (288, с.27), в отличие от иллюкативных функций, интерактивные не могут перифразироваться с помощью перформативного глагола; так, ср. “justifier” (приводить доводы) и “vérifier” (верифицировать), с одной стороны, и “remercier” (выражать благодарность) и “informer” (сообщать), с другой.

8.21. Категориальная функция (*categorical function; categorization function; category function*): Л. Ельмслев в поздней своей работе (184, с.92) писал, что типология языков исследует, как функционируют категории в разных языках, т.е., занимается категориальными функциями.

Когнитивная лингвистика предполагает, что мир не отражен в языке объективно: у языка есть функция категоризации, или категориальная функция (*categorization function*), навязывающая миру некоторую структуру, а не просто отражающая “объективную реальность” (140, с.8). А именно, язык есть способ организации знаний, отражающий потребности, интересы и опыт индивидов и культур. Исследование категориальной функции лексикона издавна привлекает большее внимание, чем аналогичная функция грамматических конструкций, поскольку ее легче исследовать (140, с.8). В наибольшей степени на этой последней проблеме сконцентрировано внимание когнитивной грамматики Р. Лангаккера, а также “конструкционная грамматика” Ч. Филлмора (125), см. также (145). Категоризирующая функция языковых единиц исследуется под тремя углами зрения (140, с.9-10):

— внутренняя структура категорий, взятых каждая отдельно, главным образом, в терминах теории прототипов (326) (библиографический обзор см. (237);

— более крупные концептные структуры, комбинирующие несколько отдельных категорий в связную ментальную модель. Это исследование проводится в разных направлениях; особенно распространено рассмотрение метафор (327), а именно, анализируются “обобщенные метафоры” ср. работы (221), (222), (323), а также в фреймовой семантике (124). В культурологических исследованиях рамки рассмотрение расширяются, и предлагаются “культурные” модели типа (94), (212), которые часто имеют динамический характер; например, динамической является концепция ментальных пространств (119), описывающая, как ментальные модели – “временные конструкты” – строятся по ходу дискурсу;

— отношения между формой и значением исследуются с точки зрения общего направления мотивации, скажем, формы иконичности; так, на языковые формы смотрят как на более или менее прямые реализации передаваемого сообщения (161).

8.22. Когнитивная функция (*cognitive function; Erkenntnisfunktion, kognitive Funktion; fonction cognitive*): или точнее, “когнитивные функции” – общее название для совокупности процессов и способностей внимания, восприятия, усвоения, сохранения и вспоминания знаний, а также формирования понятий и мышления (306, с.134).

Еще Э. Гуссерль в “Логических исследованиях” различал символическую и когнитивную функции значения (*symbolische Funktion der Bedeutung und ihre Erkenntnisfunktion*) (192, с.32), причем проникновение в суть значения он связывал именно с когнитивной функцией (там же, с.46). Под когнитивной лингвистикой понимают сегодня исследование языка в его когнитивной функции, где “когнитивность” относится к главенствующей роли промежуточных информационных структур (бытующих в нашей ментальности), когда мы сталкиваемся с миром. Фокус внимания когнитивной лингвистики, в отличие от когнитивной психологии, находится на языке как средстве организации, обработки и передачи этой информации, как хранилище знаний о мире, как структурированном собрании значимых категорий, позволяющих нам обрабатывать новые впечатления и хранить информацию о старых (140, с.8; ср. также 18). В психологическом смысле когнитивная функция состоит в том, чтобы “обозначать словами (или знаками) не

только вещи воспринимаемого мира, фиксируя их в памяти, но и результаты мышления, которые связываются при помощи названий в единое целое” (16, с.13).

Когнитивной функцией обладают как речь в целом, так и ее фрагменты. Эта функция обладает объединяющим, интегрирующим началом при интерпретации дискурса. Так, когнитивная функция повествования (narrative) – не в том, чтобы просто как-нибудь соотнести события, изложенные в некоторой последовательности, а в том, чтобы (252, с.198) представить все такие соотношения как единое целое, обладающее когерентностью и приносящее эстетическое и эмоциональное удовлетворение; в историческом же повествовании ко всему добавляется требование правдивости.

Обладает когнитивной функцией и словообразование в силу того, что в результате расширяется словарь и человек способен шире освоить когнитивную действительность (108, с.99).

Особенный интерес вызвали и вызывают когнитивные функции другого средства расширения словаря – метафоры. Как показывается в работе (211, с.11), традиционное мнение таково, что когнитивная функция метафоры – в выражении аналогии, а потому метафора всего лишь риторична и орнаментальна. В конце XX в. это положение оспаривается. А именно, считают, что некоторые метафоры сводимы к буквальному анализу и не обладают никакой когнитивной функцией, кроме риторической, однако есть и такие, которые нельзя свести к буквальному употреблению и обладают когнитивной функцией.

Причем метафоры обладают не только когнитивными, но и аффективными функциями: первыми, поскольку объясняют нечто само по себе неясное, а вторыми – поскольку вызывают эмоции (68, с.8). При этом, по (113, с.66), в точных науках, также как в философии, политике и обыденной жизни, нет существенной разницы в когнитивном аспекте между буквальными и метафорическими утверждениями. Метафора организует явления перед тем, как их исследовать, и предоставляет человеку словарный запас, с помощью которого такое исследование далее и осуществляется (113, с.70). Метафора обладает и другой когнитивной функцией – она вводит новый способ организации объектов, когда под одну рубрику подводит объекты, обладающие ярлыками с разными буквальными смыслами (147, с.126-127), и тем расширяет наш понятийный репертуар. Так, она расширяет наш запас предикатов для классификации объектов исследуемой области.

8.23. Коммуникативная функция (communicative function): функция языка в общении. Этот термин употреблялся задолго до К. Бюлера (73). Так, у Гуссерля встречаем: “Выражения в коммуникативной функции действуют как “улики” (Anzeichen) (192, с.35).

Иногда термин “коммуникативная функция” употребляется как синоним для “реально переданного сообщения”, “conveyed meaning” (148), в противопоставлении значению, обычно передаваемому данной языковой формой (см. (149, с.193). Эта функция ориентация на другого человека, является “непосредственной действительностью текстов” (286, с.271). Разумеется, коммуникативные функции характеризуют достижение понимания в целом (Verständigung), а не одну сторону продуцирование речи (345, с.101).

Коммуникативная функция предложения охватывает совокупность всех коммуникативных свойств предложения, существенных для текстообразования и не сводимых к семантическим, лексическим, синтаксическим и морфонологическим структурам (195, с.58). А именно, сюда относятся: структура намерения, указания и презумпции, увязанные между собой в соответствии с канонами связанности (195, с.99-101), социальный статус и даже (352, с.439-447) пол общающихся сторон (см. также (353). Коммуникативная дисфункция (malfunction) может, в частности, быть результатом неравного социального статуса коммуникантов (239, с.302).

Одна из разновидностей коммуникативных функций связана с выражениями, не занимающими магистральную линию в общении (concomitant expression phenomena) (180, с.327) — со всякими охами и вздохами. Еще Дарвин (96) отметил роль таких функций в эволюции человека. В эволюции языка возможно и такое изменение, называемое ритуализацией (163, с.5), когда речевое действие, имевшее вспомогательную коммуникативную функцию, “эмансипируется” и получает самостоятельный статус.

Коммуникативная функция заставляет рассматривать языковую форму не как статичный объект, а как динамичные средства выражения (71, с.24). Набор таких принципов динамики, посредством которых язык адаптируется к коммуникативным функциям в употреблении языка, называется разговорной риторикой (226, с.415). С помощью этих стратегий

коммуникативные функции реализуются через посредство конкретных содержаний повествования (278, с.290); имеются функции, в первую очередь ориентированные на говорящего (самопрезентация и психическая / коммуникативная разрядка), на слушающего (развлечение и увеселение, с одной стороны, и информирование — с другой), и на контекст (довод и разъяснение). А цель “контрастивной прагматики” – сопоставить коммуникативные функции в разных языках и выяснить, как одни и те же функции реализованы в разных языках (114, с.38). В этой связи выдвигают (162, с.19) “гипотезу об изоморфизме”: различия формы всегда связаны с различными коммуникативными функциями, а сходства – со сходством коммуникативных функций. Другая гипотеза соотносит типологию маркированности с коммуникативностью: типологическая маркированность языковых структур коррелирует с природой коммуникативных функций, которым эта маркированность служит (157, с.297).

На коммуникативной функции (а не только на поэтической функции), на использовании слов для передачи информации основана, по (55), и литературная традиция. Это вызывает иллюзию, будто язык может быть “автономным” (210), будто слова могут нести значение сами по себе и что в этом-то и состоит их первичная функция. В реальности (325, с.214) язык никогда не бывает ни целиком автономным, ни полностью коммуникативным. Точнее было бы говорить о том, что язык обладает относительным весом в пользу той или иной идеализации. Сложившееся в языкознании противопоставление формальных грамматик “коммуникативным” вряд ли поэтому вечно, поскольку (150, с.5) “формальный” подход не исключает коммуникативного. В принципе возможна формализованная теория, описывающая язык в терминах его коммуникативных функций (297, с.55).

Коммуникативная функция тесно связана с другими функциями языка:

- с экспрессивной: “Обычно, особенно в живом разговоре оба момента – момент коммуникативный и момент экспрессивный – тесно переплетаются. Основой конкретных высказываний, однако ...является в первую очередь коммуникация, и если экспрессивное выражение несколько и разрастается, то все же оно не может быть не (sic!) чем иным, как формой, выросшей на базе коммуникативной функции” (25, с.447);

- с функцией номинации (333, с.197) и с процессами композиции текста (334, с.156). Эта функция выявляется получателем в результате стратегий интерпретации (335, с.88-89);

- с грамматическими и семантическими функциями; так, по (72, с.79), коммуникативная функция модальных глаголов особенно тесно переплетена с целью речевых действий.

В частности, в соответствии с тремя базисными коммуникативными функциями можно выделить три типа фокусировки в предложении (224, с.336):

- предикаторному свойству данного топика – предикатный топик, в функции структуры “топик-комментарий”,

- идентификация аргумента данной пропозиции – аргументный фокус, идентификационная функция;

- введение нового дискурсного референта или сообщение о событии – фокусировка предложения, то есть презентационная функция, или функция сообщения о событии.

8.24. Конативная функция (conative function) = прескриптивная функция = предписательная функция (prescriptive function): по (61, с.23) присутствует, например, у нормативного дискурса; эта функция является проявлением власти слова над поведением других людей (61, с.28]; такая власть подается как легитимная и авторизованная, но может маскироваться под выражение мнения (например, подаваться как констатирующее высказывание).

8.25. Контрастная функция (contrast function): (251, с.105): одна из семантико-топиковых функций; с ее помощью содержания различных фрагментов речи противопоставляются, чтобы сделать более ясным иллюкутивное намерение. К средствам контрастирования в рамках тематической структуры дискурса относятся антонимия и многочисленные синтаксические средства. Контрастная функция подчинена принципу антитетичности речи. Виды контрастной функции (251, с.106-110):

1) сравнение предметов и предикатных десигнатов; две возможности, которые, сочетаясь между собой, дают все разнообразие контраста в реальных дискурсах:

- равенство – сходство – несходство;
- субстанция – количество – качество;

2) противопоставление сходного содержания целых текстов;

- 3) когда сопоставляются целые несходные содержания;
- 4) эмфатическая координативная конструкция, связанная с ожиданием (оправданным или нет) фоновых знаний у адресата; если ожидание не оправдалось, используются средства для “подправления” предшествующего дискурса, отказ от первоначального утверждения или полный отказ от своих высказываний.

8.26. Культурно-общественная функция, по (9, с.13): “С точки зрения социальных расслоений и культурно-общественных функций литературный язык представляет сложную систему взаимодействия между устной и письменной речью, с одной стороны, и между профессионально жаргонными типами и письменными жанрами, с другой стороны. Пестрота смешения языковых форм в литературной речи усложняется еще примесью этнодиалектических различий. Кроме того, литературный язык – не только орудие социального взаимодействия, но и форма индивидуально-творческих взаимодействий. Отсюда тесная его связь с языком литературных произведений, при посредстве которых входят в его систему индивидуальные новообразования семантического (особенно в области фразеологии) и синтаксического порядка. Нередко индивидуально-художественные речевые построения определяют нормы последующего развития литературно-книжной речи (например, язык Пушкина, Тургенева и т.п.)”.

8.27. Латентная функция (latent function): т.е. не выраженная функция (298, с.11), та, которую герменевты стремятся выявить, чтобы понять автора лучше его самого.

8.28. Лексическая функция (lexical function): по (129, с.26-27), роль, играемая теми или иными элементами плана выражения в идентификации слова как лексической единицы. Понятие, имеющее специальное значение в модели “смысл – текст” (26), ср. также (51) и в “грамматике лексических функций” Дж. Брезнан (70), см. также (59) может только косвенно быть названо функцией собственно языка.

8.29. Личностная функция (personal function): по (168, с.17), функция выражения идентичности “Я” говорящего, развиваемая в детском возрасте в результате речевого взаимодействия; возможно, совпадает с функцией типа “вот я иду”.

8.30. Макрофункция (macrofunction): по (168, с.98), взрослый человек, в отличие от ребенка, обычно использует язык одновременно в нескольких разных направлениях и целях. Описать все такие “сложные функции” нет возможности: проще говорить о букете функций, разложимых на составляющие их элементарные, и выделить сравнительно небольшое число наиболее обычных “макрофункций”, связав их с потенциалом значения у реальных языковых структур. Ср. также “суперфункция”.

8.31. Межличностная функция (interpersonal function). В силу межличностной функции (interpersonal function) (166, с.143) язык позволяет устанавливать и поддерживать социальные отношения: для выражения социальных ролей, включающих правила сообщения – коммуникации – создаваемые самим языком. Например, роли спрашивающего и отвечающего, которые мы берем на себя, когда задаем вопрос. Этим решаются задачи общения. Посредством этой “межличностной” функции выделяются социальные группы, а индивид идентифицируется и утверждается в своем статусе, поскольку общение с себе подобными служит выражению и развитию индивида как личности. (В этом Халлидей следует Б. Бернстайну (60, с.63).)

8.32. Метакоммуникативная функция (metacommunicative function): в самом широком смысле стратегии, связанные с устной традицией, делают упор на совместном знании и на межличностном отношении между коммуникатором и аудиторией. В этом они строятся на том, что Г. Бейтсон (55) называет метакоммуникативной функцией языка при использовании слов для сообщения об отношениях между собеседниками. Литературная традиция, по Бейтсону, строится на коммуникативной функции языка: на использовании слов для сообщения информации или содержания. Это приводит к возникновению идеализации – представлению, что язык может быть “автономным” (210) – что слова могут нести значение сами по себе и что в этом-то и состоит их первичная функция. Д. Таннен возражает обоим подходам: язык никогда

не бывает ни целиком автономным, ни полностью метакоммуникативным. Точнее было бы говорить о том, что язык обладает относительным весом в пользу той или иной идеализации – отсюда и континуум между устным и литературным (325, с.213-214).

8.33. Металингвистическая функция (*fonction métalinguistique*): по (152, с.72-73), в силу принципа эквивалентности, одна и та же вещь может быть презентирована (*présenté*) проще и сложнее, пространнее или короче. Развернутость высказывания заключена в самой природе нормально функционирующего дискурса (изложить кратко, сдержанно, пространно, с излишними деталями, сухо и т.п.). Это развертывание дискурса и характеризует металингвистическое функционирование.

8.34. Метапоэтическая функция (*metapoetic function*): по (126, с.6), этой функцией обладают высказывания о системе правил и соглашений, регулирующих продуцирование и восприятие литературных текстов или речевых актов, а также о самом процессе создания литературного произведения. Такой “метапроцесс” (126, с.168-169) является не “зеркалом текста”, а дискурсом, адресованным определенной аудитории: как агрессивное выступление перед читателями, как педагогический комментарий, как самозащита автора и т.п., даже как “охранная грамота” в советском литературном пространстве, когда стремились сохранить поэтические стандарты и гарантировать при этом публикацию, а также ориентировались на одних людей и исключали из числа потенциальных адресатов других.

8.35. Метафункция (*metafunction*): общее название для таких сущностей, как метакоммуникативная, метапоэтическая, металингвистическая и т.п. Реальный дискурс можно, в рамках функциональной “системной грамматики” М. Халлидея (174, с.xiv), проанализировать под углом зрения того, какую метафункцию – т.е., функцию в рамках целого текста (а не только локальную функцию – в данном эпизоде речи), играют те или иные единицы языка. По (109, с.755), метафункция в языке предполагает референцию к объекту, являющемуся одновременно языковым и остраненно (“иронично”) соотношенным с самим знаком. В метафорическом употреблении выражения эта метафункция обычно отсутствует, но она есть в метаметафорическом употреблении, когда метафора отнесено к фигуральному положению вещей (при первичной интерпретации) и к буквальному положению вещей (при вторичной интерпретации); например: “Посмотри на эту книгу в другом свете!” (когда одновременно предлагают зажечь более яркую лампу – и переоценить содержание книги). Именно в рамках метаметафоры – метафоры, которой приписана метафункция, – и можно говорить об игре буквального и переносного смыслов.

8.36. Морфологическая функция (*morphological function*): по (129, с.27), функция, приписываемая сегментам слова, интерпретируемым как выражающие некоторую морфологическую категорию.

8.37. Нарративная функция (*narrative function*): в типовом рассказе от третьего лица взаимодействуют две нарративные функции (324, с.61): одна принадлежит рассказчику, ответственному за дискурс, а другая – персонажу, глазами которого автор смотрит на развивающиеся в мире события.

8.38. Номинативная функция = функция номинации (*nomination function*): по (31, с.340-341), поскольку “функция номинации и классификации выполняется алфавитно-предметными каталогами и патентными классификациями, т.е. искусственными языками с парадигматикой, но без сколько-нибудь развитой синтагматики и вообще грамматики. Уже одно это заставляет искать формальный аппарат номинативной функции языка в лексической парадигматике, т.е. в упорядоченных классах слов. Кроме того, в последнее время было установлено, что и в высказывании номинативная функция допускает моделирование отдельно от других его функций. Напротив, предикация и основанная на ней функция сообщения моделируются в искусственных языках с развитым синтагматическим аппаратом, парадигматика же при этом может быть совсем не детализированной”.

8.39. Объективирующая функция (objectivizing function): по (217, с.1), связана с актом мышления словами. Говорящий одновременно играет и роль неперемного “свидетеля” (bystander) локуционного акта. Эта функция основана на объектной функции (217, с.9).

8.40. Объектная функция (objective function), по (217, с.1), самая главная функция языка, на которой основаны коммуникативная и объективирующая функции: именно благодаря ей возможны повествования даже в некоммуникативном окружении (217, с.10).

8.41. Ограничительная функция; рестриктивная функция (restriktive funktion): (251, с.105): одна из семантико-топиковых функций; с ее помощью положения вещей соотносятся между собой таким образом, что ограничивается или область действия одного описания, или сфера действия предиката. Тематическая структура дискурса тогда проявляется как объединение всех элементов содержания. Ограничительные функции – результат того, что не каждому предмету соответствует имя во всех возможных мирах, отражающее все нюансы свойств, присущих процессам и состояниям (251, с.121).

8.42. Оценочная функция (evaluative function): по (28, с.68-69), “при осмыслении речи необходимо не только понять замысел говорящего, оценить этот замысел с точки зрения его содержания и авторского мнения и намерения, но и оценить направленность этого замысла, его полезность. Это использование человеком оценочной функции речи”.

8.43. Первичная функция (primary function), или главная функция, является в концепции Е. Курыловича (23, с.250) главной задачей лингвистического объяснения; все вторичные функции должны быть процедурно выводимыми из главного. Зона первичной функции включает в себя как подчасть вторичные функции (218, с.7). Принадлежность формы к определенному классу (категории) определяется первичной функцией: “Французские глаголы avoir и être являются глаголами, хотя и употребляются при определенных условиях как синсемантические элементы (il a dormi “он спал”, il est venu “он пришел”, il est jeune “он молодой”). В крайнем случае можно выделить специальный класс вспомогательных слов с двойной функцией, причем вторичная функция – это функция синсемантем. Исходя из аналогичной идеи, мы выделим особый класс конкретных падежей, занимающих промежуточное положение между наречиями (первичная функция) и грамматическими падежами (вторичная функция)” (21, с.31).

Аналогичное справедливо для синтаксиса: “Первичные синтаксические функции вытекают из лексических значений частей речи и представляют собой своего рода транспозицию этих значений. Мы употребляем термин “деривация” в широком смысле слова, понимая под деривацией не только факт образования одних слов от других с целью передачи синтаксических функций, отличных от синтаксических функций исходных слов, но также и тот факт, что одно и то же слово может выступать в разных вторичных синтаксических значениях, будучи в отмеченном синтаксическом окружении. (...) Синтаксический дериват – это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией; она обладает синтаксической морфемой (“Feldzeichen” у (73, с.35)” (19, с.61-62). Применено это положение было Курыловичем в первую очередь к теории падежа: “Конкретные падежи также имеют первичные и вторичные функции. Первичная их функция – наречное употребление; однако от наречий их отличает наличие вторичной функции, которая состоит в том, что падежное окончание, лишенное семантического значения, становится простым синтаксическим показателем. Это происходит в тех случаях, когда конкретный падеж употребляется глаголом со специальным значением. Достаточно обратиться к синтаксису любого индоевропейского языка, чтобы убедиться в том, что все конкретные падежи – и инструменталь, и аблатив, и локатив – могут после определенных глаголов становиться грамматическими” (22, с.185).

8.44. Перифрастико-эксplikативная функция (paraphrastisch-explikative Funktion) позволяет передать сложные содержания следующим образом: отправитель делает несколько “заходов” подряд, не обязательно завершенных, но по-разному, с разных сторон подхода к реализации своего коммуникативного замысла (251, с.105). Развитие тематической структуры текста при этом выглядит очень специфически: каждая последующая попытка представляет собой своеобразное перифразированное истолкование неудачных, абортированных

предшествующих попыток (251, с.113). В результате тематическое членение не остается в первоизданном виде. Основные процедуры, сопровождающие такие попытки: парафраз, пояснение, резюмирование и уточнение (251, с.120).

8.45. Перлокутивная функция (perlocutionary function; perlokutionäre Funktion) высказывания, по (265, с.123), дает значение высказывания в аспекте внешнего последствия этого высказывания (иллокутивная же функция дает только внутренние следствия), то, что изменится в ситуации в результате данного высказывания как действия. Дж. Остин и Дж. Серль считали при этом перлокутивные функции интенциональными, а не конвенциональными (301, с.46). Э. Вайганд понимает под перлокутивной функцией ту функцию, которой обладает реагирующий (“реактивный”) речевой акт (345, с.13); поскольку такой акт можно считать конвенциональным, то и перлокутивная функция должна квалифицироваться как конвенциональная: это конвенциональное последствие некоторого иллокутивного речевого акта.

8.46. Перформативная функция; функция перформации (performative function): “моделирование особых языков только для целей предписания (типа знаков уличного движения), а также открытие таких речевых актов, которые являются одновременным фактом языка и социальным действием говорящего (например, КЛЯНУСЬ!; ОБЕЩАЮ!), заставило выделить особую функцию перформации и связать ее с категорией первого лица (“я”) и категорией настоящего времени” (31, с.340-341).

8.47. Поэтическая функция (poetic function): по (202, с.69), – установка (Einstellung) на само сообщение ради него самого. Эта функция не сводима к поэзии, также — как и поэзия не основана исключительно на поэтической функции. Поэтическая функция, делающая более осязаемыми знаки (promoting the palpability of signs), углубляет фундаментальную дихотомию знаков и предметов (202, с.70) и может руководить осознанными и полуосознанными действиями говорящего, продуцирующего речь (117, с.41).

Эффективность поэтической функции предполагает глубокое и интимное понимание читателем всех недомолвок и намеков автора (115, с.139-140). Это “кооперирование” адресата протекает параллельно структурированию текста автором. Вообще деятельность читателя можно считать продолжением поэтической функции, ее можно назвать реконструирующей поэтической функцией, в противоположность авторской конструирующей поэтической функции.

Потенциальное свойство языкового выражения – поэтичность – не всегда реализуется интерпретатором и – по параметру отрешенности от обыденного языка – сродни метафоричности, также не всегда “оцениваемой” читателем. По (194, с.4). Метафора тоже обладает поэтической функцией, являясь, по (283, с.311), дискурсивной стратегией, посредством которой язык освобождается от необходимости прямого описания, а эвристическая функция приобретает все большую свободу). Обладает своеобразной поэтической функцией и перебранка (248, с.210-211).

Критики якобсоновского взгляда, согласно которому поэтическая функция рядоположена остальным функциям, отмечают:

1. Поэзия связана с организацией текстов, а остальные функции коренятся во внешних контекстах и оперируют формами, принадлежащими к языковому коду: такими, как использование предикатных форм в референтной функции, восклицаний в эмотивной функции, терминов адресации – в аппеллятивной функции (316, с.163). Поэзия может, конечно, распоряжаться ресурсами языка, но это функция речи, “parole”, хотя в некоторых поэтических традициях и создавались специальные поэтические языки (были даже поэтические гильдии Ирландии и Исландии) или искусственные диалекты – как язык Гомера, – чтобы отдалить свои произведения от практической прозы. Однако такие искусственные языки вовсе не обязательны для построения литературных текстов.

2. Трудность еще и в том, что (39, с.30-31):

- поэтическая функция не является достаточной предпосылкой поэзии,
- доминирование поэтической функции нельзя логически безупречно вывести из формальной организации высказывания;
- поэтическая функция определяется как отсутствие прагматической функции, а в то же время, она должна решать коммуникативно-когнитивные задачи;

– определение поэтической функции одновременно связано с эмансипацией сообщения от (прагматико-функционального!) смысла, а с другой стороны, для анализа того, как получена форма, необходима интерпретация смысла;

– “установка на сообщение” как особенная организация этого сообщения делает этот тип употребления языка аномальным.

8.48. Прагматическая функция (pragmatic function): нет единого по поводу определения этого часто употребляемого понятия. Среди типичных характеристик упомянем прагматические функции:

– зависят главным образом от прагматической информации о говорящем и адресате (102, с.27),

– указывают информационный статус членов предикации в рамках более широкого коммуникативного окружения, в котором они содержатся (101, с.49);

– представляют прагматические цели и результаты (эффекты) высказывания, в абстракции от реального говорящего и слушающего, а взятые как если бы это были функции самого акта высказывания, презюмирования и т.п. (274, с.18);

– включают факторы, влияющие на выбор говорящим одного выражения, а не другого. Именно такие факторы, а не семантика и не референция, приводят к тому, что употребляются основы аориста, а не презенса (305, с.5).

В работе С. Стати (319, с.31-33) прагматическим функциям приписывается следующий набор свойств, который вместе с перечисленными уже свойствами образуют довольно ясную картину:

– рефлексивность: говорящий должен так формулировать свое сообщение, чтобы получатель мог вычленив прагматическую функцию, цель высказывания. Отсюда вытекает, что обман и манипулирование с помощью языка не входят в прагматические функции, поскольку говорящий не хочет, чтобы его замысел разгадали;

– объективность: доступность в принципе любому получателю, разумеется, если тот владеет языком и находится в здравом рассудке;

– обязательность: ведь нет высказываний без прагматической функции;

– отделенность от фразического содержания.

К прагматическим функциям в рамках функциональной грамматики С. Дика относятся, среди прочего, тема и 'остальное' (tail), топик и фокус. Первые два являются внешними по отношению к собственно предикации и маркируют вынесенные влево (тема) или вправо (остальное) элементы предложения; а последние два – внутренними; соответственно, внешние и внутренние прагматические функции (101, с.66).

Более широкий список прагматических функций, покрывающий отчасти и другие функции (синтаксические и семантические), предложен в работе (47, с.77): фактически все, что Чейф отнес к ведению упаковочных элементов предложения (78).

Иногда термин “прагматическая функция” употребляется как синоним термина “иллокутивная функция”; именно в этом смысле говорят о лексикализации прагматических функций: это случай клиширования иллокутивной функции; так (258, с.675-676), английское “Sorry!” хранится в лексиконе как клише со значением “I apologize” “Я сожалею”.

Прагматический бум 1980-1990-х годов является рецидивом увлечения идеи прагматики (возможно, под другим названием), которое гуманитарные науки пережили в 1930-е годы. Так, Б. Малиновски в 1937 г. писал: “Если самой ранней и наиболее фундаментальной функцией речи является прагматическая функция – направлять, контролировать и соотносить деятельность людей между собой, то изучать речь можно только в “контексте ситуации”. А от разграничения языка и речи, за которое держатся такие авторы, как Бюлер и Гардинер, и восходящее еще к де Соссюру и к Вегенеру, придется отказаться” (242, с.63).

В рамках трехмерной концепции языка Ю. С. Степанов определяет прагматическую функцию как “акт общения, прежде всего направленного от индивида к другим индивидам и к обществу в целом, установление говорящим своего отношения к действительности, выражается в языковых знаках любой протяженности и устройства: в междометиях (...), в назывных предложениях, в особенности такого типа, который непосредственно связан с ситуацией, как вывески и объявления: “Ремонт часов”; “злая собака”; “Высокое напряжение”; в перформативных высказываниях: “Клянусь!”, “Обещаю!” и в выделенной Б. Малиновским более частной, “фатической” функции, когда говорящие говорят что угодно, лишь бы завязать или поддержать общение (phatic communion)” (31, с.342).

И далее: “Первичный формальный аппарат прагматической функции – это аппарат локации; он состоит из индексирующих знаков, которые могут быть определены только непосредственно в их отношении к протекающему акту речи. В индоевропейских языках это элементы Я – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС. [...] Все эти три основных словесных знака могут быть заменены в своей первичной функции простым указанием – жестом. При этом Я и ЗДЕСЬ передаются жестом, указывающим на говорящего и на место рядом с ним, а СЕЙЧАС может быть сведено к жесту, обозначающему место. [...] Однако в некоторых из неиндоевропейских языков этот аппарат представлен еще и другими категориями. К нему следует отнести категорию “отчуждаемой – неотчуждаемой принадлежности” (...) по другой терминологии, “органической – неорганической принадлежности”). Эта категория разбивает имена на два класса, типичным представителем класса “неотчуждаемой принадлежности” выступают обычно части тела, другие же классы могут варьироваться от языка к языку” (31, с.344).

8.49. Пропозициональная функция (propositional function): понятие, использовавшееся под этим названием еще в (289, с.42) в современном значении, в философии языка Б. Расселла определялось как выражение, содержащее один или несколько недоопределенных компонентов и становящееся пропозицией, как только эти недоопределенные компоненты будут определены (290, с.230). Когда говорят о существовании или несуществовании чего-либо, имеют в виду именно свойство пропозициональной функции (290, с.232-233).

Сходное определение дает в 1962 г. и Э. Бенвенист (3, с.142) (в сноске), когда определяет предложение как предельную единицу языка: “Сегментировать предложение мы можем, но мы не можем сделать его интегратором какой-либо другой единицы более высокого уровня. Пропозициональной функции, в какую можно было бы подставить предложение, не существует. Следовательно, предложение не может быть интегрантом для единиц других типов. Это объясняется прежде всего той особенностью, которая присуща только предложению и отличает его от всех других единиц, то есть предикативностью. Все другие свойства предложения являются вторичными по отношению к этой особенности. Число знаков, входящих в предложение, не играет никакой роли: одного знака достаточно, чтобы выразить предикативность” (3, с.446). Наконец, Ю. С. Степанов полагает: “Функтором пропозициональной функции служит та языковая форма предикации, которая называется структурной схемой предложения. Следовательно, в языке столько разновидностей пропозициональной функции, сколько структурных схем предложения – как простого, так и сложного” (30, с.70).

Часто в формальном аппарате для описания языка пропозициональные функции используются под названием “семантическая функция”.

8.50. Регуляторная, или регулятивная функция (regulatory function): это функция типа “сделай, как я тебе говорю” (168, с.7), то есть функция контролирования поведения других людей с помощью языка (168, с.17).

8.51. Репрезентационная функция (representational function; Repräsentationsfunktion (275, с.102); Darstellungsfunktion). По Гадамеру (138, с.158), символ, как и картина, не указывает на что-то, если это “что-то” одновременно с ним не присутствует. Репрезентационная функция символа – не простое указание на нечто отсутствующее в настоящий момент. Символ высвечивает нечто как наличное, что всегда в принципе налично. Это видно уже из этимологии слова “символ”.

Основное положение тагмемики К. Л. Пайка: язык – неотъемлемая часть человеческого поведения, и аксиомы языка относятся к любому человеческому поведению. Кроме символической функции, язык обладает репрезентационной функцией и очень важной коммуникативной функцией (206, с.78).

В рамках системной грамматики М. Халлидея (168, с.17) эта репрезентационная функция характеризуется как функция “мне надо кое-что тебе сказать”, то есть, функция передачи содержания.

В работе (275, с.102) репрезентационная функция определяется как отношение между формативом конкретной коммуникативной (коммуникативной) языковой единицы в коммуникативном акте, с одной стороны, и вполне конкретным предметом (или положением дел) – или с конкретным множеством предметов (или положений дел), с другой стороны. Эта

функция позволяет говорящему совершать референцию к конкретным предметам, а слушающим идентифицировать именно этот предмет.

Согласно (99, с.25-27), системы репрезентации обладают следующими функциями:

- сохранение информации, способной к постепенному исчезновению или к которой у нас нет непосредственного доступа;
- наглядность актуальной, но не непосредственно воспринимаемой информации;
- ориентация, регулирование действий индивида;
- систематизация;
- сигнализирование, связанное с коммуникацией.

8.52. Референтная, или референциальная функция (*referential function*), в противопоставлении вокативной функции имен и званий реализуется в терминах референции (противопоставляемых терминам адресования) (236, с.217). В референтной функции употребляются не только имена, но и предикаты, особенно в поэзии (316, с.163) (вот почему можно сказать, что поэтическая функция может осуществляться при поддержке референтной). Референциальная функция элементов текста покоится на их понятности (257, с.58).

8.53. Риторическая функция (*rhetoical function*): в ранней концепции Дж. Катц (209, с.113) различал три типа функций у членов предложения: грамматическую (подлежащее, сказуемое и т.п.), риторическую (данное – новое, топик – комментарий и т.п.) и семантическую (агенс, средство, результат и т.п.), полагая позже, что грамматические и риторические функции необоснованно смешаны в расширенной стандартной генеративной модели Н. Хомского (82, ср. также: 122, с.60-61). В сферу риторической функции входят и так называемые “риторические предикаты” в смысле (89) типа “утверждать”, “приводить доводы”, “делать заключение” и используемые для интерпретации, но не продуцирования предложений (249, с.38).

8.54. Семантическая функция (*semantic function*): термин, неформально употреблявшийся еще структуралистами со значением “смыслоразличительность”. Например, Д. Джоунз полагал, что фонемы обладают семантической функцией, однако разные звуки – члены одной и той же фонемы – не обладают никакой семантической функцией (205, с.32).

Лондонские структуралисты, приравнивавшие функцию значению (129, с.10) (до них значение как функцию средств выражения определял, например, А. Марти (246); в его употреблении термин “*semantische Funktion*” равносителен термину “значение” (*Bedeutung*)(см. также 213), считали, что можно видеть у некоторого элемента речи морфологическую и синтаксическую функции, но не догадываться о существовании у него семантической функции (129, с.27): семантическая функция выявляется только в той “контекстной ситуации”, когда кого-либо непосредственно стимулируют высказаться о значении выражения. Иначе говоря, в отличие от “младшей” функции (фонетической) и главных функций (лексической и синтаксической), семантическая функция присуща только целому высказыванию (*locution*, ср. терминологию позже у Остина!) или даже скорее типовому контексту ситуации (129, с.33).

Продолжен этот подход в социологии языка Б. Бернстайна, который писал в 1959 г.: “Язык – важнейшее средство инициирования, синтеза и подкрепления способов мышления, чувствования и поведения, функционально соотносенных с социальной группой. Сам по себе язык не тормозит выражение конкретных идей и не ограничивает индивида определенным уровнем концептуализации. Но некоторые идеи и обобщения поощряются языком больше, чем другие. То есть употребление языка облегчает развитие в определенном направлении, в этом отношении различные направления неравноправны” (60, с.63). И далее: “Язык – один из самых важных параметров, включенных в характеристики индивида и поведения. Внедрение той или иной формы языка постоянно стимулируется – с самого первого слова ребенка. Дети понимают еще до того, как сами говорят. Семантической же функцией языка является социальная структура. (...) Изменение способов употребления языка (когда публичный модус заменяется на формальный язык) связано с личностью (*personality*) индивида, с самим характером его общественных отношений, с его точками референции, эмоциональными и логическими, и с самосознанием” (60, с.76).

В рамках формальной лингвистики под семантической функцией часто сегодня понимают аналог пропозициональной функции. Так, в интерпретирующей семантике Р. Джеккендоффа (196, с.14-15) глаголы в глубинной структуре представляются как семантические функции от одной или нескольких переменных. Значениями для этих

переменных бывают именные составляющие, синтаксически связанные с глаголами. (В такой концепции “семантическая функция” соответствует “пропозициональной функции” формальной логики.) В таком представлении при глаголах возможны и вложенные структуры при глаголах и других “функциональных словах”. Например, абстрактный предикат глубинной структуры CHANGE “менять/меняться” (один из семантических примитивов в этой концепции, т.е., не обязательно соответствующий какой-либо реальной единице языка, но входящий в семантическую формулу различных предикатов реальных языков) имеет три аргумента: индивид, начальное состояние, исходное состояние (196, с.39). Предикат CAUSE – также семантический примитив, двухаргументная семантическая функция; ее аргументами являются один индивид и одно событие, а значение – то, что индивид производит (является виновником, “каузирует”) некоторое событие. (Возможно, еще инструментальные именные словосочетания входят в число аргументов этой семантической функции (154).)

Несколько иная, но близкая по духу терминология Дж. Катца (209, с.113), среди семантических функций – аналоге глубинных падежей Ч. Филлмора – называвшего “агент”, “реципиент”, “средство”, “результат” и т.п. (ср. также: 122, с.60-61).

Именно эту терминологическую линию продолжает С. Дик в своей “функциональной грамматике”: по (101, с.49), семантические функции “агент”, “цель”, “реципиент” и т.д. являются ролями, которые выполняют референты соответствующих элементов предложения в рамках состояний дел, описываемых предикацией. Семантические функции кодируются обычно в лексиконе – кроме “сателлитных” семантических функций, вводимых позже в структуру предложения по ходу деривации (101, с.50).

8.55. Семантико-топиковая функция (semantisch-topikale Funktion): по (251, с.104), один из видов иллокутивной функции в тексте и результатом доинтерпретирования синтактико-топиковой функции. К семантико-топиковым функциям относятся: функции контраста, парафрастико-эплективные функции и рестриктивные функции.

8.56. Семиологическая функция (semiological function): термин, употребляемый иногда как синоним “референтная функция” и “знаковая функция” (32, с.239).

8.57. Семиотическая (semiotic function): функция семиотического акта (236, с.217) – по существу, синоним понятия “функция языка”, при широком понимании термина “язык”. В некоторых концепциях (например, в (47, с.63)), общее название для семантических и прагматических функций как того, что имеет отношение к значению предложения. Эти функции выполняются “внешними кодирующими признаками”, такими как порядок слов, падежная маркировка и грамматическое согласование. Однако трудно бывает указать прямое соответствие между кодирующими признаками и выражаемыми семиотическими функциями. Поэтому прибегают к опосредующему уровню грамматической структуры: кодирующие признаки указывают на грамматическую структуру предложения, которая, в свою очередь, задает семиотические функции.

В метаматематике (а возможно, и в любой теории) есть три вида семиотических функций (57, с.11): обоснования, переноса (в смысле универсальной теории преобразований) и объяснения (в рамках универсальной теории действительности).

8.58. Символическая функция (symbolic function): еще в феноменологии Э. Гуссерля предполагалось, что значение обладает символической функцией и функцией познания (в современных терминах: когнитивной функцией) (192, с.32). Огден и Ричардс выделяют другое измерение в этом противопоставлении, различая две группы функций языка: символическую и эмотивную (263). При этом символическая функция непосредственно связана с мнемоническими эффектами стимула.

Для Леви-Стросса символическая функция обладает властью преобразовывать подсознание (230, с.224), которое представляется как индивидуальный репертуар образов, отличающий данного индивида от остальных; иначе говоря, этот репертуар является одной из реализаций коллективной формы для символической функции (88, с.18). Способность такого преобразования Леви-Стросс называет символической эффективностью, или властью слов. Этому понятию репертуара у Лакана (220) соответствует “воображаемое” как набор “внутренних аксессуаров” индивида, рождающихся в результате личной внутренней истории индивида, а символическая функция производна от ограничения, от фрейдовского “сверх-я”,

навязываемого волей отца, и связывается с функциями репрессии и запрета. Для Лакана символическое – порядок нанизывания означающих (см. также 88, с.95).

8.59. Синтаксическая функция (syntactic function): в концепции Е. Курыловича первичные синтаксические функции (под которым понимаются первичные “грамматические употребления” (19, с.66) “вытекают из лексических значений частей речи и представляют собой своего рода транспозицию этих значений. Мы употребляем термин “деривация” в широком смысле слова, понимая под деривацией не только факт образования одних слов от других с целью передачи синтаксических функций, отличных от синтаксических функций исходных слов, но также и тот факт, что одно и то же слово может выступать в разных вторичных синтаксических значениях, будучи в отмеченном синтаксическом окружении” (19, с.61).

Имеются синтаксические функции у интонации (129, с.27): например, указание на вопросительность или восклицательность высказывания. Синтаксические функции указывают и на угол зрения, под которым мы смотрим на состояние дел, задаваемое предложением; субъект и объект являются такими функциями (101, с.49). Интересно, что речь больных аграмматической афазией страдает неправильным наложением синтаксических функций на тематические роли (300, с.85).

8.60. Стилистическая функция (stylistic function): например, по Куриловичу, пассивная конструкция имеет две различные функции: одну грамматическую, вторую стилистическую. Стилистическую функцию имеет “полная (трехчленная) пассивная конструкция: “солдат был убит врагом”, “пар вспахивается крестьянином”, которая совсем не отличается своим содержанием от соответствующих активных конструкций: “враг убил солдата”, “вспахивают пар”. Эти две конструкции разнятся между собою только стилистическим оттенком. Говорят, например, “Пушкин был убит в поединке Дантесом”, если речь шла о Пушкине, но “Дантес убил Пушкина в поединке”, если речь шла о Дантесе. В первом примере *patiens*, во втором *agens* являются психологическим, а не только грамматическим подлежащим. Но психологическое подлежащее – это уже термин стилистики” (20, с.123). Более того: “Наличие пассивной конструкции в разных языках оправдывается не этой стилистической функцией, а первой, грамматической функцией. Это следует из факта, что могут существовать или обе или только вторая, но никогда не существует только вторая. Это значит, что нет языка, который бы образовал и сохранил страдательный залог исключительно для стилистических целей. Наоборот, есть языки, в которых *passivum* служит только грамматическим целям, например, латынь в своей старшей стадии или классический арабский” (20, с.124).

8.61. Суперфункция (superfunction; фр. *superfonction*): близко понятию “макрофункция”. По (319, с.33), помимо прагматических функций “напоминание” (*appel*), “вопрос”, “утверждение”, “повтор”, “указание” и т.п. есть еще прагматические суперфункции (*superfonctions pragmatiques*): согласие, доказательство и подтверждение, уступка, исправление, несогласие и опротестование, критика и возражение: *accord, justification {et preuve}, concession, rectification, désaccord {et contestation}, critique, objection*.

8.62. Текстовая функция (textual function). (166, с.143): язык предоставляет средства для синтеза свойств ситуации употребления языка. Именно такая текстовая функция позволяет говорящему или пишущему строить тексты, т.е. ситуативно релевантные дискурсы. Эта же функция позволяет слушающему или читающему отличить текст от произвольного набора предложений. Один из аспектов текстовой функции – установление отношений когезии между предложениями дискурса. Так, следующие три предложения различаются выбором в рамках текстовой функции, когда второе предложение содержит каждый раз иной тип информации:

- (1) She would marry Horatio. She loved him.
- (2) She would marry Horatio. It was Horatio she loved.
- (3) She would marry Horatio. She did not love him.

Более того, в работе (166, с.164), утверждается, что согласно текстовой функции языка для эффективного общения необходимо новую информацию подавать грамматически эксплицитно.

По (251, с.95), к текстовым функциям относятся:

– темпоральные функции – указание на реальные и/или фиктивные соотношения между положениями вещей (*Sachverhalte*), задаваемыми текстом;

– каузальные функции (251, с.104), выводимые из причинно-следственных отношений, которые, в свою очередь, являются результатом дополнительной интерпретации темпоральных отношений, “базируясь” на них (251, с.124). Виды каузальных функций включают: обоснование, объяснение и логический вывод.

В работе (116, с.9) различаются внутритекстовые и внетекстовые функции. Первые подаются с помощью структурирования элементов содержания в тексте, вторые же – с помощью отношений между текстом и элементами речевой ситуации.

В рамках текстовой функции выделяются также функции, связанные с жанром или направленностью текста. Например (121, с.29), юмористический текст продуцируется со следующими наиболее частыми намерениями (функциями), очень сходными в английском и немецком обществах:

- чтобы затушевать собственную ошибку;
- чтобы выйти из неловкого положения; за таким текстом лежит успокаивающее “Не беспокойся”;
- чтобы спустить на тормозах речевую агрессию;
- чтобы доставить или получить самому удовольствие;
- чтобы завершить разговор.

Однако техники решения этих задач могут быть очень разными и являются предметом контрастивного анализа.

8.63. Тематическая функция (thematic function): роль элемента “функциональной структуры” в рамках интерпретативной семантики. Этот термин употребляется особенно часто, начиная с концепции интерпретативной семантики Р. Джеккендоффа (196) и включая более поздние концепции Н. Хомского.

8.64. Топиковая функция (topical function; topikale Funktion): функция топикализованной составляющей в предложении (191, с.100-101).

8.65. Фатическая функция (phatic function): термин Б. Малиновского “phatic communion” (241): язык в фатической функции (доминирующей в обыденном общении) – неперенный элемент человеческого действия в рамках социума; в результате поддерживаются и стабилизируются социальные отношения. Ю. С. Степанов считает фатическую функцию разновидностью прагматической функции как акта общения – “когда говорящие говорят что угодно, лишь бы завязать или поддержать общение” (31, с.342). Эту же функцию имеют рассказы в обыденном общении и определенные эпизоды в переводческой деятельности.

Так, Э. Гюлих показала, что функция рассказа не сводится к передаче содержания, а содержит значительную долю фатической ценности (155, с.21), особенно в тематически и содержательно нефункциональных эпизодах общения (155, с.22). Некоторые исследователи (193) считают, что рассказ обладает исключительно фатической функцией. В работе (280, с.270) это демонстрируется на материале детского общения, когда рассказанная сказка является средством для установления мостика между ребенком и рассказчиком. Существен в таких случаях в первую очередь факт рассказа, а не что именно рассказывается. Для таких ситуаций – в отличие от нефатически функционирующего рассказа – не обязательно обоснование – “легитимизация” – рассказа: достаточно объявить о своем намерении рассказать нечто (280, с.273). Ср.: “Вот вы все про рыбу, а я расскажу вам такой случай”. Хотя эта разновидность часто характеризуется как “развлекательная функция”, она еще позволяет рассказчику “самопрезентироваться”: тогда, по (276, с.106), “увеселение” является прежде всего функцией, ориентированной на слушающего, а “самопрезентация” – на самого говорящего. Именно из-за своей фатической функции не все анекдоты и не всегда уместны (280, с.281): некоторые допустимы исключительно в мужской компании, некоторые – только между детьми и т.д. С этим же связано то обстоятельство, что не всегда говорящего лишают права рассказать уже известный анекдот: здесь вмешиваются вопросы этики, такта, вежливости и т.п.

При переводе текста с языка на другой язык фатическая функция, по (257, с.57), покоится на конвенциональности текстовой формы. Если в оригинале указывается, что намерения автора – фатические, переводчику приходится с этим смириться и соответственно переводить текст, проявляя своеобразную “лояльность”. Однако в задачу переводчика входит найти еще соответствующие эквиваленты в языке, на который происходит перевод, что при сильных различиях фатических культур бывает весьма затруднено.

8.66. Фонетическая функция (phonetic function) звука, одна из младших (minor) функций (129, с.32), соответствует месту звука в контексте и в фонетической системе языка (205, с.10). Помимо чисто фонетической функции, фонемы, по (205, с.32-33), обладают семантической функцией, однако разные звуки – члены одной и той же фонемы – не обладают никакой семантической функцией. Иногда разграничивают две функции и у фонологических правил (304, с.110). Так, согласно (43), фонологические правила имеют две функции: фонетическую и иконическую. Фонетическая функция фонологических правил состоит в том, что они переводят фонологическую репрезентацию, заданную в чисто реляционных терминах, в детализированное представление в терминах трех параметров: частота, объем, время, — характеризующих реальный акустический сигнал.

8.67. Фразовая, или фразическая функция (sentence function (139, с.198; fonction phrastique), по (139, с.198), то, что совершает данное предложение в силу свойств в качестве предложения, как таковое. Так, предложение может функционировать как констатация, просьба, вопрос или восклицание. Такая фразовая функция вырабатывает смысл как локализация для условий истинности, в отличие от дискурсивной функции, осуществляющей уместное употребление предложения в дискурсе (244, с.15).

8.68. Целевая функция (purposive function): по (311, с.175), целевые функции переупорядочивают иерархию индексальных функций для носителей языка, позволяя ориентироваться в потоке дискурса.

8.69. Эвристическая функция (heuristic function): по (168, с.17), функция такого употребления языка, когда хотят докопаться до причины, “почему” в реальности все происходит одним, а не другим способом. В результате не надеются докопаться до истинных причин, но получают хотя бы приблизительное представление о причинах.

8.70. Экспозитивная коммуникативная функция (expositional communicative function; Darstellungsfunktion): по (40), разновидность коммуникативной функции текста (не обязательно литературного), относительно независимая от содержания конкретного текста, а скорее относящаяся к нескольким текстам одновременно (например, к нескольким текстам, излагающим одну и ту же проблему).

8.71. Экспрессивная функция (expressive function): по В. Н. Телия, “экспрессивность значимых единиц языка, образующих его инвентарь, тесно связана с прагматикой речи. Экспрессивность представляет собой (в общем случае) отображение в содержании языковых сущностей эмотивного отношения субъекта речи к элементам внешнего или внутреннего мира человека, вызываемого в нем при их обозначении. А экспрессивная функция языковых единиц заключается в их способности выражать такого рода субъективную модальность” (36, с.308). С экспрессивностью связаны следующие виды субъективной модальности:

— положительное или отрицательное чисто эмоциональное (связанное со сферой чувств-переживаний) отношение к обозначаемому (ноченька, солнышко, малюсенький, прудишко, крохотуля);

– квалификативно-оценочное отношение к обозначаемому, основанное на осознании членами данного языкового коллектива некоторого качественного (квалитативного) или количественного (квантитативного) “стандарта” бытия обозначаемого, отклонение от которого вызывает положительную или отрицательную оценку (“групповщина”, “писанина”, “гордец”, “болтать” или “носиться”, “тащиться”, “уплетать”, “умопомрачительный”);

– социальные реакции на обозначаемое, связанные с установкой говорящих на некоторые нормы употребления средств в определенных условиях речи или стилистических пластах языка, нарушение которых вызывает положительный или отрицательный социально-ролевой эффект (ср. “ввергать”, “низлагать”, “гордыня”, “светоч”, “упоительный”, “нерушимый” и “мямлить”, “шастать”, “околесица”, “трепач”, “ловчила”).

При различии этих видов субъективной модальности, придающей экспрессивную окраску языковым сущностям, общим для всех них является то, что субъективная модальность как бы наслаивается на объективное содержание языковых единиц” (36, с.308).

Согласно (236, с.583), выбор говорящим элементов, делающих высказывание уместным, происходит на фоне его установки или эмоциональной вовлеченности в содержание его речи. Говорящий может быть ироничным, скептическим, сдержанным, насмешливым, сентиментальным и т.п. На сами установки говорящего могут воздействовать степень формальности и межличностные отношения, однако даже при этом экспрессивная функция выделима из числа остальных. Другие функции, такие как поэтическая, могут обслуживаться экспрессивной функцией, которая может повысить или понизить их эффективность (115, с.140): например, сделать содержание текста интригующим для читателя и придать художественные, эмоциональные и интеллектуальные свойства.

Еще один аспект экспрессивной функции – передача мнения автора (257, с.57): такая сигнализируемая экспрессивная интенция автора обязательно должно передаваться при переводе текстов с одного языка на другой, соответствуя стандартам культуры; неучет ее делает перевод неадекватным. Вот почему ранние переводы произведений Гёте с немецкого языка создают у современного русского читателя впечатление излишней слезливости.

8.72. Эмотивная функция (*emotive function*): одна из двух главных функций языка по (263, с.7) (другая – символическая); прототипичным носителем этой функции считается интонация, “добавляющая тонкий оттенок значению” и таким образом отражающая чувства и установки говорящего (38, с.387). К нефонетическим средствам относятся, например, метафора, поскольку, по (284, с.49), не представляет какую-либо семантическую инновацию и не дает новых сведений о действительности, а также (316, с.163) междометие. Различаются два измерения внутри эмотивной функции речи:

- информативная функция противопоставляется каталитической: эмоции могут стимулировать или облегчать – или наоборот, затруднять и затушевывать когнитивные и другие психические процессы;
- спонтанное проявление эмоций противопоставлено стратегическому их использованию.

8.73. Эстетическая функция (*aesthetic function*): направленность стилистики конкретного текста на достижение того или иного эстетического (в частности, литературного) эффекта (229, с.39).

9. Крупные группировки функций

В литературе выделяются концепции, по-разному членившие все пространство вышеперечисленных функций на классы. Ниже мы дадим обзор теорий по возрастанию количества таких классов. Как мы увидим, чем больше число функций, тем все менее прозрачным становится основание классификации, которое иногда может даже ускользать от читателя. Критической точкой в перерастании количества функций в качество (затемненность основания классификации) является, видимо, “число три”.

9.1. Двухчастное деление

Язык используется и в социальных ситуациях, и для внутренних потребностей в размышлении (294, с.119). В первом случае он позволяет поделиться чувствами с другим, снабдить информацией, повлиять на поведение другого человека. Во втором же мы регулируем свое поведение, решаем задачи, размышляем о прошлом, планируем будущее, категоризируем свое восприятие. Между языком и мыслью существует отношение “взаимоиспользования”, ср.: “Языки используют нас, так же как и мы используем языки. Наш выбор форм выражения направляется мыслями, которые мы хотим выразить. В этой же степени способ нашего восприятия в реальном мире предопределяет, как мы будем выражаться по поводу воспринимаемых предметов” (223, с.45). В силу этого имеем – в различных терминологиях – противопоставление двух функций (259, с.37), (см. также 71, с.1; 76, с.3:1) идеационной (169, с.116) (синонимы: референциальной (202), “дигитальной” (343), транзакционной, репрезентативной, референциальной, дескриптивной), состоящей в презентации и обработке информации об окружении, и 2) межличностной (169, с.116) (синонимы: фатической (202), аналогической (343), интеракционной; примерно то же, что экспрессивная, эмотивная, межличностная, социоэкспрессивная функция), состоящей в передаче информации от коммуниканта к комуниканту. Это различие, по (259, с.37), соответствует

противопоставлению (в духе П. Грайса) конверсационных максим (максим речи) социально значимым максимам. Первая из них служит выражению содержания высказывания, а вторая – нет.

Созвучно это противопоставление тому, которое находим в “Тезисах” Пражского лингвистического кружка (1929), где читаем: “В своей социальной роли речевая деятельность различается в зависимости от связи с внелингвистической реальностью. При этом она имеет либо функцию общения, т.е. направлена к означаемому, либо поэтическую функцию, т.е. направлена к самому знаку”. И далее: “В функции речевой деятельности как средства общения следует различать два центра тяготения: один, при котором язык является “ситуативным языком” (практический язык), т.е. использует дополнительный внелингвистический контекст, и другой, при котором язык стремится образовать наиболее замкнутое целое с тенденцией стать точным и полным, используя слова-термины и фразы-суждения (теоретический язык, или язык формулировок)” (35, с.25).

9.2. Трехчастное деление

Б. Расселл в 1940 г. (291, с.194) говорил о следующих трех целях языка: указание на факты, выражение состояния говорящего, изменение состояния слушающего. Так, междометие “ой”, сопровождаемое поднятым пальцем, выполняет только вторую функцию; приказ и вопрос выполняют вторую и третью (но не первую) функции; ложь связана с третьей и в некотором смысле с первой, но не со второй. В иной терминологии (15, с.12) с этим связано различие информативного, экспрессивного и эвокативного употреблений языка: “В случае первого – формулировка истинных или ложных суждений; при втором – выражение состояний сознания говорящего; при третьем – для оказания влияния на слушателя”. Причем каждое выражение выполняет одновременно эти три задачи.

К. Бюлер (73) выделял сообщение (сигнализирующую функцию), представление (описание) и экспрессию (Kundgabe, Darstellung, Auflösung). Х. Кронассер показал (213, с.67), что это разграничение восходит к кантовскому противопоставлению опознания, чувства удовольствия (или неудовольствия) и волеизъявления. Под влиянием Бюлера, Ю. Хабермас (160, с.334) различает интерактивное, когнитивное и экспрессивное использования языка. В первом тематизированы отношения между коммуникантами (предупреждение, обещание, требование и т.п.), когда пропозициональное содержание высказывания упоминается, но не оно играет главенствующую роль. При втором тематизировано само содержание высказывания – пропозиция о чем-то, происходящем в мире (или о чем-то, возможном в мире), — тогда межличностный параметр затрагивается только вскользь. При экспрессивном использовании тематизирован сам акт выражения (экстериоризации) переживаний человека. Эти функции можно, по (172, с.50), подразделить на свои подклассы, так что получаются следующие функции языка, обычно встречаемые не в чистом виде, а в комбинациях:

- 1) дескриптивная, или информативная, подразделяемая на следующие подфункции:
 - формативная,
 - десигнативная,
- 2) контрольная (или организационная), подразделяемая так:
 - подталкивание к действию (incitive),
 - оценочная,
 - прескриптивная (или предписывающая),
- 3) эмоциональная, с разновидностями:
 - экспрессивная,
 - эвокативная (связанная с воображением),
 - раппортная (социальная).

В системно-функциональной грамматике М. Халлидей (166, с.142) исходит также из трехчастного деления, показывая, что огромное число выборов (опций), в нем представленных, сочетается в сравнительное небольшое число относительно независимых друг от друга “сетей” (networks). Эти сети опций соответствуют базисным функциям языка, каковыми являются: идеационная, межличностная и текстовая функции.

Каждое предложение строится из комбинации структур, полученных в результате этих трех базисных функций, или, попросту говоря, различных видов значения (166, с.144). Множественная функция языка отражается в языковой структуре как основе для опознания идеационной (включая сюда логическую), межличностной и текстовой функции. Не

обязательно при этом одну функцию считать более абстрактной, более “глубинной”, чем другую: все они одинаково семантически существенны (166, с.165).

Ю. С. Степанов в поисках наиболее общего наименования для функций обратил внимание на “связь их с тремя аспектами общей семиотики. “Номинация” как отношение языкового знака к объекту соответствует “семантике”; “предикация” как отношение знака к знаку (с дальнейшим отношением к действительности (...)) соответствует “синтактике”; “перформация” как непосредственное самовыражение говорящего в используемых им языковых знаках соответствует “прагматике” (31, с.341).

Имеем, соответственно, номинативную, синтаксическую и прагматическую функции – как “первичные” функции языка, объединенные общим семиотическим свойством: “Все они непосредственно соотнесены с актом высказывания. Но в этом акте они опираются на различные его стороны: утверждение и самовыражение “Я” (прагматическая функция и ее простейший вид – локация); членение объективного мира по его отношению к человеку, а в конечном счете также по отношению к “Я” (номинативная функция, номинация); установление связи знаков в процессе их производства говорящим (синтаксическая функция и ее простейшие виды – элементарная синтагматическая связь и предикация)” (31, с.349). Причем: “элементы первичного формального аппарата всех трех функций могут быть названиями самих себя, они потенциально аутореферентны. Непервичные элементы формальных аппаратов этим свойством, в общем случае, не обладают” (31, с.349).

Более того: по ходу усложнения функций “имеет место отход от непосредственной ситуации говорения, и ее характеристики переносятся, как это происходит при обыкновенной метафоре, на другие ситуации, отстоящие от ситуации говорения в пространстве или во времени. Это развитие аналогично вариациям слова по линии денотата, назовем его вторичной транспозицией формального аппарата. С другой стороны, происходит усложнение семантического содержания формальных аппаратов в пределах самой ситуации говорения. Это развитие, аналогичное развитию сигнификата в слове, назовем третичной транспозицией формального аппарата. Как и в случае с сигнификатом, изменения здесь всегда, по-видимому, однонаправленны и необратимы” (31, с.350-351). Позже Ю. С. Степанов обобщил эту концепцию до стройной семиологической теории трех мерного языка (34).

Этот взгляд можно соотнести с концепцией Т. Гивона (141, с.21) (ср. 142, с.30), считающего, что (помимо социокультурных, эстетических и психо-эмоциональных) функций языка есть три главных функциональных области, получающих систематическую и различительную кодировку в человеческом языке: лексическая семантика, пропозициональная семантика и прагматика дискурса. Эти три области иерархизированы концентрическим образом (вложены друг друга) в следующем порядке: наиболее глубоко вложено значение, затем – информация и только после этого – прагматическая функция (142, с.32-33). В свою очередь, прагматическая (или “коммуникативно-прагматическая”) функция, по (106, с.158), бывает: а) функцией указания, б) функцией установочной, в) функцией отношения.

9.3. Четырехчастное деление

А. А. Ричардс в 1929 г. выделял четыре аспекта, называемые им функциями, в интерпретации содержания речи: 1) смысл, 2) чувство (т.е. установка по отношению к тому, о чем говорится), 3) тон (установка по отношению к слушающему), 4) намерения говорящего (282, с.182). Вторая и третья функции (чувство и тон), видимо, входят в определение первой и четвертой, т.е. более примитивны (282, с.353). Возможно, что первоначально язык обладал только второй функцией, был полностью эмоционален, и только позже его начали использовать для нейтрального изложения положения дел (282, с.353). В разных же эпизодах употребления языка доминируют разные функции (282, с.183).

К. Голдштайн в 1933 г. выделял четыре различных способа употребления языка, соответствующих четырем различным видам деятельности мозга (146, с.277-278):

1. Использование языка для изложения чего-либо, язык “представляющий” (*darstellende Sprache*), намеренное использование языка, служащее прежде всего для достижения определенных речевых целей: ответ на вопрос, указание на предметы и т.п. Именно эта функция в первую очередь подвергается изменениям при поражениях мозга.

2. Выразительный язык, рождающийся из эмоции, одновременно с другими выразительными движениями, в которые такой язык и входит в качестве частного случая. Эта

функция сохраняется лучше других при поражениях мозга. Она скорее свидетельствует о пассивной, чем об активной стороне участия субъекта в коммуникации.

3. Вербальное знание, представленное в очень разных формах: сенсорная память, внутренняя речь и т.п. Операции, зависящие от этой функции, вызываются чаще всего волей говорящего, но затем развиваются почти без участия воли, произвольно, поскольку регулируются общей психической ситуацией.

4. Обычная речевая деятельность, включающая все остальные формы языковой деятельности в сложном переплетении.

К. Поппер (273, с.134-135) к трем бюлеровским функциям добавляет четвертую – аргументативную, или объяснительную, связанную с презентацией и сопоставлением аргументов (доводов) и объяснений в связи с некоторым спорным вопросом. В каждом из этих четырех аспектов язык допускает неоднозначность. Например, с помощью речи говорящий может скрывать эмоции или мысли (ср. первую функцию), выражать их или, наоборот, подавлять их в себе (ср. вторую), а не поощрять изложение доводов. И в этом состоят различия между культурами. Так, в Италии и Англии различны традиции недомолвок (understatement), что связано с различной “культурой экспрессивности”.

Согласно (106, с.144), функция – не то же, что содержание или грамматическое значение морфосинтаксических средств выражения. Имеем (106, с.145) следующие четыре крупных подразделения функций.

1. Синтаксическая функция: а) традиционная, в смысле “член предложения”, б) асемантическая внутреннесинтаксическая (соотнесенная со структурной функцией, см. ниже).

2. Структурная функция, подразделяемая на пять подклассов: а) позиционная, б) дистрибуционная, в) валентность, г) трансформационные соотнесения, д) структурное значение.

3. Логическая функция: а) в научном смысле логическая, б) в обыденном смысле логическая, соотнесенная с внеязыковой денотативной функцией.

4. Семантическая функция: а) имманентная, или содержание, б) внеязыковая денотативная (соотнесенная с логической функцией в обыденном смысле).

Частичный список функциональных ограничений на структуру человеческого языка, по (54, с.21), включает:

1. Коммуникативные цели, или “классическую прагматику”:

1.1. функции речевых актов на уровне индивидуальных высказываний (обещание, требование, объявление и т.п.);

1.2. дискурсные функции на уровне отношений между высказываниями (например, поддержание темы разговора, переключение ее, устранение неоднозначности референции);

1.3. социальные функции, внеположенные границам между высказываниями (например, установление статуса с помощью уровней адресации, выбор формальных и/или неформальных лексических средств, конформных контексту).

2. Пропозициональное содержание, или “классическая семантика”:

2.1. содержание на уровне события, в отношении к грамматике предложения (например, отношения агенса, действия, пациенса, локализации, инструмента, времени и пространства),

2.2. содержание, базирующееся на схемах в отношении к дискурсу, состоящему из более чем одного предложения (например, процедуры грамматики рассказа, правил формирования или произнесения анекдота).

3. Факторы канала в оперативной (неавтономной) обработке речи (например, свойства, отличные от семантического или прагматического содержания):

3.1. ограничения восприятия (выделенность, регулярность и непрерывность факторов формы, отражающие действие принципов гештальта на правильную форму),

3.2. ограничения на память при понимании (эффекты серийности, ограничение на число “кусков” информации, доступных для сегментирования единиц события),

3.3. ограничения на память в планировании движения по ней (например, доступность единиц структуры НС и конкретных лексических единиц при поиске во внутреннем лексиконе как функция частотности и единственности),

3.4. ограничения выхода на периферии (фонологические факторы, влияющие на скорость и ясность продуцирования речи).

4. Ограничения на организацию долговременной памяти, например, локальные процедуры, переупорядочивающие память в сторону симметрии и связности.

В концепции “структура текста – структура мира” предполагается, что функциональная интерпретация отрывка текста может зависеть от точки зрения реципиента, его фонового знания и т.п. Иногда люди высказываются нарочито нечетко, чтобы не обрекать свою речь на однозначную интерпретацию (251, с.33) и при необходимости уйти из-под огня критики, сказав, что их неправильно поняли. Имеем следующую классификацию.

1. Перформативно-модальная функция. Пропозиция с этой функцией (в рамках атомарного текста) указывает на модальность, с которой текст продуцируется. При этом указывается на место и время, релевантные для ситуации коммуникации, — т.е. на мир “сейчас – здесь – я”. Эта функция наиболее лапидарно выражается словами типа: “я утверждаю, что”, “я сообщаю тебе, что”.

2. Мироконституирующая функция, указывает на установку человека, продуцирующего текст, к положению дел, указываемому высказыванием. Это указание особенно явно в таких формулах, как: “я полагаю, что”, “я знаю, что”, “я имею в виду”. Пропозиции, выступающие в данной функции, указывают на мир, релевантный с точки зрения “сейчас – здесь – я”.

3. Дескриптивная функция, представляет описание положения дел, составляющего объект сообщения. Она сама может быть сложной, т.е. содержать вложенные описательные пропозиции.

4. Коммуникативная функция – указание на общие отношения места, времени и коммуникантов к соответствующим параметрам контекста.

В этой же концепции (251, с.53-54) понятие функции указывает на возможность додумывать альтернативные средства и даже поставить под вопрос саму необходимость этих средств. Вот почему функции в тексте служат решению вполне определенных задач коммуникации и соблюдению вполне определенных коммуникативных потребностей (251, с.54). Различаются следующие виды функций, ортогональных вышеприведенным:

1. синтактико-топиковые, затрагивающие линейную последовательность именованных объектов в тексте; к ним относятся структура темы и семантическая изотопия (251, с.60);

2. функции пространства и времени, служащие изображению упорядочения положений дел в тексте;

3. иллюкутивные в узком смысле, связывающие конкретные намерения интерпретации у говорящего с линейным упорядочением именованных предметов и представлений положения дел; например, контраст, экспликация, каузальность, аргументативный статус служат этой цели;

4. поэтико-риторические, устанавливающие средствами первых трех функций эстетические качества и качества воздействия текста.

9.4. Пятичастное деление

Классификация Огдена и Ричардса (263, с.226-227): 1) символизация референции, 2) выражение установки по отношению к слушающему, 3) выражение установки по отношению к референту, 4) преднамеренное достижение эффектов, 5) поддержка референции.

Характер языка, по (261, с.8), определяется тем, что делают с его помощью. М. Халлидей (169, с.21-22) так обобщает и группирует функции:

1. Интерпретация целостности нашего опыта, редуцирование бесконечно разных явлений в окружающем мире, а также нашего внутреннего мира (процессов нашего внутреннего сознания) к обозримому числу классов явлений: типы процессов, событий и действий, классы объектов, людей и институций и т.п.

2. Выражение определенных элементарных логических отношений типа: “и”, “или”, “если”, а также тех, которые создаются самим языком – “а именно”, “гласит”, “значит”.

3. Выражение нашего участия в качестве говорящих, в ситуации речи; роли, которые мы исполняем сами и/или заставляем исполнять других; наши желания, чувства, установки и суждения.

4. Одновременное решение всех этих задач, так чтобы произносимое соотносилось с контекстом произнесения (и с предшествующими речами, и с “контекстом ситуации”). Язык организуется в релевантный дискурс, а не в поток слов и предложений (как это бывает в грамматиках и словарях).

5. Установление и поддержание коммуникативного гомеостаза – равенства и взаимопонимания между собеседниками.

Различаются (127, с.23-24) следующие функции как коммуникативные цели того или иного фрагмента языка (127, с.219):

1. Личностная – способность говорящего или пишущего объяснить ход своих мыслей, упорядочивать или классифицировать материал в своей мысли или выражать свои думы и эмоции, такие как любовь, радость, разочарование, огорчение, гнев, фрустрация, скука, горе. Это еще и способность прояснять цель своей речи и менять или завершать разговор, в зависимости от обратной связи с аудиторией.

2. Межличностная — дает возможность установить и поддерживать нужные социальные и деловые отношения. К этой категории относятся: выражение симпатии, радости по поводу успеха у других людей, стремление к благу других, заключение или расторжение договоренностей, извинение за ошибки или невыполнение обязательств, указание согласия или несогласия с собеседником, прерывание собеседника, избегание неудобных тем, — все, что делает наше общение с другими людьми возможным и удобным.

3. Директивные – то, что позволяет запрашивать или предлагать, убеждать или уговаривать.

4. Референциальная, или метаязыковая – позволяет говорить о настоящем, прошлом или будущем, о непосредственном окружении и о самом языке. Перевод с одного языка на другой включен в эту функцию.

5. Имагинативная – творческое использование языка, то есть возможность писать на нем стихи, сочинять рассказы и пьесы и т.д.

9.5. Шестичастное деление

Р. Якобсон исходил из шести факторов общения (202, с.66):

	содержание	
адресант	сообщение	адресат
	контакт	
	код	

Этим факторам соответствуют следующие функции (202, с.71]:

	референциальная	
эмотивная	поэтическая	конативная
	фатическая	
	метаязыковая	

В работе (112) различаются следующие функции общения:

1) передача и поиск фактической информации – идентифицирование, сообщение, поправка, вопрос;

2) выражение и поиск интеллектуальных установок – выражение и запрос относительно согласия или разногласия, принятие или отклонение предложения или приглашения и т.п.;

3) выражение и установление эмоциональных установок – удовольствия или неудовольствия, удивления, надежды, намерения и т.п.;

4) выражение и установление моральных установок – извинение, выражение одобрения или неодобрения и т.п.,

5) каузация с помощью речи, приводящая к тому или иному ходу событий; например, совет и предостережение;

6) социализация – приветствие и прощание, привлечение внимания, произнесение тоста и т.п.

Согласно (348, с.346), шесть типов использования языка суть: беседа, рассказ, декламация, обучение языку (особенно при аудиторном обучении), надписи (особенно на зданиях) и (возможно) разговор с самим собой.

9.6. Восьмичастное деление

В работе (349) разграничиваются: 1) модальность (при выражении степени уверенности, необходимости, убеждения, воли, обязательности и терпимости); 2) моральная дисциплина и оценочность (суждение, оценка, порицание); 3) навязывание (убеждение в чем-либо, рекомендации, предсказания); 4) довод (соотнесение с обменом информацией и взглядов:

утверждаемая или искомая информация, согласие, разногласия, отказ, уступка); 5) экспозиция; 6) эмоции – позитивные и негативные; 7) эмоциональные отношения: приветствия, лесть, враждебность и т.п.; 8) безличностные отношения – вежливость и статус: степень формальности/неформальности. По (120, с.32), выделяемые восемь функциональных типов значения очень сходны с этими: переживание (experiential), отрицательность (negativity), логические отношения, интеракциональная, аффективная, модальная, тематическая и информационная. Эти функции образуют ядро семантики.

В. А. Звегинцев (14, с.122) в качестве более или менее принятых функций называет: информативную (средство общения), эмотивную, фатическую, познавательную, коннотативную, поэтическую, металингвистическую (дающую возможность перевода одной системы лингвистических знаков в другую), аккумуляционную (фиксирующую человеческий опыт).

9.7. Девятичастное деление

В работе (346, с.88), в рамках концепции Выготского, реконструируются следующие речевые функции: сигнализирующая, сигнификативная, социальная, индивидуальная, коммуникативная, интеллектуальная, номинативная, индикативная и символическая.

Огден и Ричардс (263, с.46) приводят классификацию функций у А. Ингрехема (по его лекциям 1903 г.): 1) рассеивать излишнюю нервную энергию, 2) регулировать действия людей и животных, 3) сообщать идеи, 4) выразить, 5) запоминать, 6) приводить в движение неодушевленные предметы (магия), 7) мыслить, 8) доставлять удовольствие от речи как таковой, 9) дать филологу материал для работы.

9.8. Четырнадцатичастное деление

Согласно (285, с.49), имеем следующие функции языка: 1) избегание худшего (“речевое избегание”); 2) конформность по отношению к нормам (устной и письменной речи); 3) эстетика; 4) регулирование контакта (приветствие, прощание и т.п.); 5) перформативы (обещание, пари и т.п.); 6) саморегулирование в поведении и в аффекте (к последнему относятся: разговор с самим собой, молитва и т.п.); 7) регулирование поведения и аффектов собеседника (приказы, требования, угрозы, шутки и т.п.); 8) выражение аффекта (восклицание, попреки); 9) маркирование источника говорения: его эмоционального состояния, личности, идентичности; 10) маркирование ролевого отношения; 11) указание на неязыковой мир, связанное с выделением, организацией, хранением, передачей, обучением в сферах знания: логика, наука, этика, метафизика, эстетика (ср.: констатация, возражение, сообщение, напоминание, размышление, решение проблемы, анализ, обработка, синтез); 12) обучение (наставление); 13) вопрос; 14) метаязыковые функции.

10. В чем упрекают функционализм его критики?

В литературе функционализм критикуется не как ориентация на “целевую” модель языка, – обычно с этим соглашаются, – а как реализация общего подхода.

1. Понятие функции противоречит (в частности, в концепции Ш. Балли (52), по (340, с.100-101), самому понятию о развитии языка. Если есть нормальное функционирование, то зачем от него отклоняться? Функционалист же тем не менее ссылается на неточность и огрубленность научного метода, чтобы не жертвовать понятием развития. Итак, “функция” дает только приближенное представление о языке, чрезмерно абстрактное, и не может охватить прогресс и жизнь. Функциональное объяснение устраняет из жизни все конкретное, полное и подвижное: “Понятие жизни тянет за собой понятие своей функции, как свой собственный труп” (52, с.101).

2. Неадекватность предположений о том, в чем состоит равновесие системы, неясность инвентаря элементов системы, замаскированность функциональной телеологии, порочные круги в объяснениях *post factum*; псевдоэмпирические нормативные критерии функциональности; статичность, неясность статуса и степени точности модели; априорность в констатации функций; генерализация “пустых формул” (редукция сложности) и т.п. Все это – упреки, предъявляемые функционализму как методологии, в частности, в социологии (271, с.20).

3. Наблюдение над грамматиками и над “обработкой” речи человеком еще не гарантирует адекватность объяснения связей между грамматикой и тем, как воспринимается и

продуцируется речь (136, с.132). Во всяком случае, не только свойства языка бывают следствиями свойств языковых механизмов обработки речи, но и наоборот, эти механизмы могут быть результатом свойств языка. Язык тоже заставляет человека модифицировать свои процедуры интерпретации и продуцирования речи (136, с.130-131).

4. Для того чтобы объяснить то или иное грамматическое свойство, основываясь на системах языкового исполнения (performance), необходимо, по (86), принять эволюционистский взгляд: по ходу эволюции таких систем нужды обработки речи могут привести к победе одних грамматических принципов над другими. Это сказывается на общих механизмах человеческой языковой способности. Однако объяснение, основанное только на утверждении, что некоторая конкретная грамматическая закономерность облегчает обработку предложения, всегда подозрительно без учета всего бесконечного контекста описываемого языка (136, с.130).

5. Недоразумения в нормальном общении гораздо более часты, чем представляют функционалисты. Особенно часты недоразумения в области фонологического варьирования, морфологических чередований и синтаксического варьирования (219, с.311).

6. Понятия “стимул”, “подкрепление”, “депривация”, взятые на вооружение в скиннеровском “функциональном анализе” и столь наглядные в поведении животных, создают чрезмерно упрощенное представление о поведении человека. Наблюдение над физическим окружением говорящего и манипулирование этим окружением, в отвлечении от внутреннего мира, от ментальности человека – научная фикция (80, с.547). Биологическое понятие функции как роли физически наблюдаемого фактора в человеческом речевом поведении непригодно для объяснения механизмов языка.

7. Вопреки общим декларациям, функционалистские исследования обычно не выходят за рамки предложения (187, с.140).

8. Самая большая проблема (158, с.221) – найти баланс между языковой формой и коммуникативной функцией: определяет ли функция форму (ведь требования коммуникации накладывают определенные ограничения на языковую структуру) – или же форма абсолютно произвольна (например, так отвечает на этот вопрос Хомский) и не зависит от функциональных или семантических соображений? Критикуя функционализм, Хомский (ср. (158, с.249)) утверждает:

– все функциональные объяснения рано или поздно (пусть и не сразу) можно заменить чисто формальными;

– функционалистские формализовки, если и объясняют факты, обычно бывают или слишком нефальсифицируемыми, либо слишком тяжеловесными.

9. Функциональные объяснения типа: “нечто создано для того, чтобы” уязвимы (90, с.25): ведь очень часто языки устроены дисфункционально; например, зачем нужна синонимия? Впрочем, такая дисфункциональность имеет свои ограничения: например, трудно представить себе реальный язык, в котором все лексические единицы омонимичны. Положительная сторона функционального объяснения в синтаксисе – в некотором прояснении того, как извлекается семантическое содержание из синтаксической структуры.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семант. пробл. – М., 1976. – 383 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 416 с.
3. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. – М., 1965. – Вып. 4. — С.434-449.
4. Беркли Д. Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия // Беркли Д. Сочинения. – М., 1978. – С.149-246.
5. Бондарко А. Функциональная грамматика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. – С.565-566.
6. Бондарко А. Семантика лица // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб., 1991. – С.5-40.
7. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Функциональная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С.566.
8. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959. – 623 с.
9. Виноградов В. В. К истории лексики русского литературного языка // Рус. речь. – Л., 1927, № 1. – С. 90-118.
10. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: Основные пробл. социологич. метода в науке о языке. – Л., 1929. – 188 с.
11. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М., 1998. – 763 с.
12. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып.1. – С.264-389.

13. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958. – 404 с.
14. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. – М., 1973. – 248 с.
15. Ивин А. А. Основания логики оценок. – М., 1970. – 230.
16. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта. – М., 1983. – 302 с.
17. Кондрашов Н. Предисловие // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С.5-16.
18. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. – М., 1996. – 245 с.
19. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая: К теории частей речи // Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С.57-70.
20. Курилович Е. Эргативность и стадиальность в языке // Там же. – С.122-133.
21. Курилович Е. Понятие изоморфизма // Там же. – С.21-36.
22. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Там же. – С.175-203.
23. Курилович Е. Заметки о значении слова // Там же. – С.237-250.
24. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962. – 456 с.
25. Матеиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С.444-523.
26. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей “смысл – текст”. – М., 1974. – 314 с.
27. Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960. – 500 с.
28. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. – М., 1990. – 381 с.
29. Слюсарева Н. А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С.564-565.
30. Степанов Ю. С. Современные связи лингвистики и логики: Категории функции, пропозициональной связки, синтаксического отрицания // Вопр. языкознания. – М., 1973. – № 4. – С.62-75.
31. Степанов Ю. С. Семиотическая структура языка: (Три функции и три формальных аппарата языка) // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – М., 1973. – Т.32, вып.4. – С.340-355.
32. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – М., 1975. – 311 с.
33. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: Семиологич. грамматика. – М., 1981. – 360 с.
34. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотич. пробл. лингвистики, философии, искусства. – М., 1985. – 335 с.
35. Тезисы пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С.17-41.
36. Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С.250-319.
37. Хинтика Я. Логико-эпистемологические исследования. – М., 1980. – 447 с.
38. Abe I. Intonational patterns of English and Japanese // Word. – N.Y., 1955. – V.11, N 3. – P. 386-398.
39. Abend B. Grundlagen einer Methodologie der Sprachbeschreibung: Kritische Untersuchungen zur Einheit von Linguistik und Literaturwissenschaft. – Würzburg, 1985. – 289 S.
40. Agricola E. Text – Textaktanten – Informationskern // Probleme der Textgrammatik. – B., 1977. – Bd. 2. – S.11-32.
41. Aitchison J. Words in the mind: An introd. to the mental lexicon. – Oxford, 1987. – X, 229 p.
42. Alston W. P. Divine and human action // Divine and human action: Essays in the metaphysics of theism. – Ithaca; L., 1988. – P.257-280.
43. Andersen H. Tenues and mediae in the Slavic languages: A historical investigation. – Harvard, 1967. –
44. Andersen P. B., Holmqvist B. A toolbox for analyzing work language // Pragmatics and linguistics: Festschr. for Jacob L.Mey on his 60th birthday 30th October 1986. – Odense, 1986. – P.3-22.
45. Anderson J. M. An essay concerning aspect: Some considerations of a general character arising from the Abbe Darrigol's analysis of the Basque verb. – The Hague; Paris, 1973. – V, 112 p.
46. Andrews A.D.I. Long distance agreement in Modern Icelandic // The nature of syntactic representation. – Dordrecht. etc., 1982. P.1-33.
47. Andrews A. D. I. The major functions of the noun phrase // Language typology and syntactic description – Cambridge etc., 1985. – Vol.1. Clause structure. – P.62-154.
48. Arcaini E. Analisi linguistica e tradizione. – Bologna, 1986. – 248 p.
49. Armstrong D. F., Stokoe W.C., Wilcox S.E. Gesture and the nature of language. – Cambridge, 1995. – X, 260 p.
50. Austin J. L. How to do things with words. – Oxford, 1962. – VII, 167 p.
51. Babby L. H. Lexical functions and syntactic construction // Papers from the parasession on the lexicon. – Chicago, 1978. – P. 26-33.
52. Bally C. Le langage et la vie. – Genève; Heidelberg, 1913. – 111 p.
53. Bates E., MacWhinney B. Functionalism and the competition model // The crosslinguistic study of sentence processing. – Cambridge etc, 1989. – P.3-73.
54. Bates E., MacWhinney B., Smith S. Pragmatics and syntax in psycholinguistic research // Language development at the crossroads: Papers from the interdisciplinary conference on language acquisition at Passau. – Tübingen, 1983. – P.11-30.
55. Bateson G. Steps to an ecology of mind. – N.Y, 1972. – XXVIII, 545 p.

56. Bechtel W. Philosophy of mind: an overview for cognitive science. – Hillsdale (N.J.) etc., 1988. – XIV, 162 p.
57. Bense M. Das Universum der Zeichen: Essays über die Expansionen der Semiotik. – Baden-Baden, 1983. – 214 S.
58. Bergmann J. R. Ethnomethodologische Konversationsanalyse // Handbuch der Dialoganalyse. – Tübingen, 1994. – S. 1-16.
59. Berman J., Frank A. Deutsche und französische Syntax im Formalismus der LFG. – Tübingen, 1996. – IX, 246 S.
60. Bernstein B. A public language: Some sociological implications of a linguistic form // Bernstein B. Class, codes and control. – St Albans, 1973. – Vol.1: Theoretical studies towards a sociology of language. – P.62-77.
61. Berrendonner A. L'éternel grammairien: Etude du discours normatif. – Berne; Frankfurt am Main, 1982. – 125 p.
62. Berwick R. C., Weinberg A.S. The grammatical basis of linguistic performance: Language use a. acquisition. – Cambridge(Mass.); L., 1984. – XVIII, 325 p.
63. Bever T. G. Functional explanations require independently motivated functional theories // Papers from the parasession on functionalism. – Chicago, 1975. – P. 580-609.
64. Bigelow J. C., Pargetter R. Functions // J. of philosophy. – N.Y., 1987. – Vol.84, N 4. – P.181-196.
65. Bloomfield L. Literate and illiterate speech // American speech. – Philadelphia, 1927. – Vol.2. – P. 432-439.
66. Bloomfield L. Secondary and tertiary responses to language // Language. – Baltimore, 1944. – Vol.20, N 1. – P. 413-425.
67. Borkin A. Problems in form and function. – Norwood (N.J.), 1984. – IX, 153 p.
68. Brandes S. Metaphors of Masculinity: Sex a. status in Andalusian folklore. – Philadelphia, 1980. – X, 236 p.
69. Bresnan J. W. Control and complementation // The mental representation of grammatical relations. – Cambridge (Mass.); L., 1982. – P.282-390.
70. Bresnan J. W., Kaplan R. M. Introduction: Grammars as mental representations of language // The mental representation of grammatical relations. – Cambridge (Mass.); L., 1982. – P. xvii-iii.
71. Brown G., Yule G. Discourse analysis. – Cambridge etc., 1983. – XII, 288 p.
72. Brüner G., Redder A. Modalverben im Diskurs // Brüner G., Redder A. Studien zur Verwendung der Modalverben mit einem Beitrag von Dieter Wunderlich. – Tübingen, 1983. – S.13-90.
73. Bühler K. Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. – Jena, 1934. – XVI, 434 S.
74. Bunt H., Katwijk A. Dialogue acts as elements of a language game // Linguistics in the Netherlands 1977-1979. – Dordrecht, 1980. – P.264-282.
75. Burke K. A grammar of motives and a rhetoric of motives. – Cleveland, 1962. –868 p.
76. Carlson L. Dialogue games: An approach to discourse analysis. – Dordrecht etc., 1983. – XXIII, 317 p.
77. Caron J. Précis de psycholinguistique. – P., 1989. – 259 p.
78. Chafe W. L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view // Subject and topic. – N.Y., 1976. – P.25-55.
79. Charaudeau P. Langage et discours: Eléments de sémiolinguistique (théorie et pratique). – P., 1983. – 176 p.
80. Chomsky N. Rec: Skinner B.F. Verbal behavior // Language. – Baltimore, 1959. – Vol.35, N 1. – P. 26-58.
81. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. – Cambridge (Mass.), 1965. – X, 251 p.
82. Chomsky N. Deep structure, surface structure, and semantic interpretation // Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics a. psychology. – Cambridge, 1971. – P.183-216.
83. Chomsky N. Language and mind. — Enl. ed. – N.Y. etc., 1972. – XII, 194 p.
84. Chomsky N. Rules and representations. – N.Y., 1980. – VIII, 299 p.
85. Chomsky N. Lectures on government and binding. – Dordrecht; Cinnamon, 1981. – IX, 371 p.
86. Chomsky N., Lasnik H. Filters and control // Linguistic inquiry. – Cambridge (Mass.), 1977. – Vol.8 N 3. – P. 425-504.
87. Chung S. Unbounded dependencies in Chamorro grammar // Linguistic inquiry. – Cambridge (Mass.), 1982. – Vol.13, N 1. – P. 38-77.
88. Clément C. B. Le pouvoir des mots: Symbolique et idéologique. – P., 1973. – 173 p.
89. Cohen R. Investigation of processing strategies for the structural analysis of arguments // Proceedings of the 19th Annual meeting of the Association for computational linguistics, Stanford (Cal.), June 1981. — Stanford (Cal.), 1981. – P. 71-76.
90. Comrie B. S. Language universals and linguistic typology: Syntax a. morphology. – Chicago, 1981. – XI, 252 p.
91. Comrie B. S. Form and function in explaining language universals // Explanations for language universals. – Berlin etc., 1984. – P. 87-103.
92. Coseriu E. Formen und Funktionen: Studien zur Grammatik /Hrsg. von Petersen U. – Tübingen, 1987. – IX, 204 S.
93. Crain S., Fodor J. D. How can grammars help parsers? // Natural language parsing: Psychological, computational, a. theoretical perspectives. – Cambridge etc., 1985. – P. 94-128.
94. Cultural models in language and thought / Ed. by Holland D., Quinn N. – Cambridge., 1987. – XII, 400 p.
95. Daneš F. On Prague school functionalism in linguistics // Functionalism in linguistics. – Amsterdam; Philadelphia, 1987. – P. 3-38.
96. Darwin C. The expression of the emotions in man and animals. – L., 1872. – VI, 374 p.
97. Deane P. D. Grammar in mind and brain: Explorations in cognitive syntax. – Berlin; N.Y., 1992. – X, 355 p.
98. DeFleur M. L., Ball-Rokeach S.J. Theories of mass communication. — 5th ed. – N.Y.; L., 1989. – XV, 368 p.
99. Denis M. Image et cognition. – P., 1989. – 284 p.

100. De Vries W. Hegel's theory of mental activity: An introd. to theoretical spirit. – Ithaca; L., 1988. – XXIII, 209 p.
101. Dik S. C. Seventeen sentences: Basic principles a. application of functional grammar // Current approaches to syntax. – New York etc., 1980. – P. 45-75.
102. Dik S. C. Cleft and pseudo-cleft in functional grammar // Linguistics in the Netherlands 1977-1979. – Dordrecht, 1980. – P. 26-43.
103. Dik S. C. Some basic principles of functional grammar // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists, August 29 – September 4, 1982, Tokyo. – Tokyo, 1983. – P. 74-88.
104. Dimitracopoulou I. Conversational competence and social development. – Cambridge etc., 1990. – XI, 167 p.
105. Dirven R., Fried V. By way of introduction // Functionalism in linguistics. – Amsterdam; Philadelphia, 1987. – P. ix-xvii.
106. Dittmann J. Konstitutionsprobleme und Prinzipien einer kommunikativen Grammatik // Dialogforschung. – Düsseldorf, 1981. – S. 135-177.
107. Downes W. The imperative and pragmatics // J. of linguistics. – L.; N.Y., 1977. – Vol.13. – P. 77-97.
108. Dressler W. U. Word formation (WF) as part of natural morphology // Leitmotifs in natural morphology. – Amsterdam; Philadelphia, 1987. – P. 99-126.
109. Droste F. G. On metaphor and meta-metaphor // Linguistics. – Berlin etc., 1986. – Vol.24, N 4. – P. 755-771.
110. Durkheim E. De la division du travail social. – P., 1893. – IX, 471 p.
111. Eberenz R. Tempus und Textkonstitution im Spanischen: Eine Untersuchung zum Verhalten der Zeitform auf Satz- und Textebene. – Tübingen, 1981. – XI, 246 S.
112. Ek J. A.van. Threshold level English. – Oxford, 1980. – p.
113. Elgin C. Z. With reference to reference. – Indianapolis; Cambridge, 1983. – VIII, 200 p.
114. Ellis R. Understanding second language acquisition. 2nd impr. – Oxford etc., 1986. – VIII, 327 p.
115. Eng J.van der. The effectiveness of the aesthetic function // The structure of the literary process: Studies dedicated to the memory of Felix Vodicka. – Amsterdam; Philadelphia, 1986. – P. 137-159.
116. Engberg J. Pragmatische Aspekte einer komparativen Analyse von deutschen und dänischen Urteilen // New departures in contrastive linguistics: Neue Ansätze in der Kontrastiven Linguistik: Proceedings of the Conference held at the Leopold-Franzens-University of Innsbruck, Austria, 10-12 May 1991. – Innsbruck, 1992. – Vol. 2. – S.9-19.
117. Epstein E. The self-reflexive artefact: The function of mimesis in an approach to a theory of value for literature // Style and structure in literature: Essays in new stylistics. – Oxford, 1975. – P. 40-78.
118. Evans D. A. Situations and speech acts: Toward a formal semantics of discourse. – N.Y.; L., 1985. – VII, 211 p.
119. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. – Cambridge (Mass.), 1985. – IX, 185 p.
120. Fawcett R. P. Cognitive linguistics and social interaction: Towards an integrated model of a systemic functional grammar a. the other components of a communicating mind. – Heidelberg, 1980. – XIII, 219 p.
121. Fill A. Joking in English and German: A contrastive study // New departures in contrastive linguistics: Neue Ansätze in der Kontrastiven Linguistik: Proceedings of the Conference held at the Leopold-Franzens-University of Innsbruck, Austria, 10-12 May 1991. – Innsbruck, 1992. – Vol. 2. – P. 21-31.
122. Fillmore C. J. The case for case reopened // Grammatical relations. – New York etc., 1977. – P. 59-81.
123. Fillmore C. J. Innocence: A second idealization for linguistics // Papers from the 5th annual meeting of the Berkley linguistic society. – Berkeley, 1979. – P. 63-76.
124. Fillmore C. J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di Semantica. Bologna, 1985. – Vol.6. – P. 222-255.
125. Fillmore C. J. The mechanisms of "Construction Grammar" // Papers from the 14th annual meeting of the Berkley linguistic society. – Berkeley, 1988. – P. 35-55.
126. Finke M. C. Metapoesis: The Russian tradition from Pushkin to Chekhov. – Durham; L., 1995. – XV, 221 p.
127. Finocchiaro M., Brumfit C. The functional-notional approach: From theory to practice. – Oxford etc., 1983. – XVI, 235 p.
128. Firbas J. On defining the theme in functional sentence analysis // Travaux linguistique de Prague. – Prague, 1964. – Vol.1. – P. 267-280.
129. Firth J. R. The technique of semantics // Firth J.R. Papers in linguistics 1934-1951. – L/ etc., 1957. — P.7-33.
130. Fisher H. Language and logic in personality and society. – N.Y., 1985. – XVI, 281 p.
131. Flew A. G. Philosophy and language // Essays in conceptual analysis. – N.Y., 1956. P. 19-56.
132. Foley W. A., Van Valin R.D.J. Functional syntax and universal grammar. – Cambridge etc., 1984. – XII, 416 p.
133. Fowler R. G. Notes on critical linguistics // Language topics: Essays in honour of Michael Halliday. – Amsterdam; Philadelphia, 1987. – Vol.2. – P.481-492.
134. Franks S. Is there a pro-drop parameter for Slavic? // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. — Chicago, 1975. – Vol.18. – P. 140-154.
135. Fraser B. The domain of pragmatics // Languages and communication. – L.; N.Y., 1983. – P.29-59.
136. Frazier L. Syntactic complexity // Natural language parsing: Psychological, computational, a. theoretical perspectives. – Cambridge etc., 1985. – P.129-189.
137. Frege G. Begriffsschrift: Eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens. – Halle (Saale), 1879. –

- X, 88 S.
138. Gadamer H.-G. *Hermeneutik I: Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. 5. Aufl. – Tübingen, 1986. – XI, 495 S.
 139. Gardiner A. *The theory of speech and language*. – Oxford, 1932. – XII, 348 p.
 140. Geeraerts D. *Diachronic prototype semantics: A contribution to historical lexicology*. – Oxford, 1997. – 207 p.
 141. Givón T. *Language, function and typology // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguists, August 29 – September 4, 1982, Tokyo*. – Tokyo, 1983. — P.13-29.
 142. Givón T. *Syntax: A functional-typological introduction*: – Amsterdam; Philadelphia, 1984. – Vol. 1. – XX, 464 p.
 143. Givón T. *The pragmatics of de-transitive voice: Functional a. typological aspects of inversion // Voice and inversion*. – Amsterdam; Philadelphia, 1994. – P.3-44.
 144. Goddard Y. *Paradigmatic relationships // Special session on general topics in American Indian linguistics*. – Ann Arbor (Mich.), 1990. – P.39-50.
 145. Goldberg A. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. – Chicago, 1995. – 276 p.
 146. Goldstein K. *L'analyse de l'aphasie et l'étude de l'essence du langage // Essais sur le langage*. – P., 1969. – P.257-330.
 147. Goodman N. *Metaphor as moonlighting // On metaphor*. – Chicago; L., 1979. – P.175-180.
 148. Gordon D., Lakoff G. *Conversational postulates // Speech acts*. – New York etc., 1975. – P. 83-106.)
 149. Green G. M. *The function of form and the form of function // Papers from the 10th regional meeting of the Chicago linguistic society*. — Chicago, 1974. – Vol.10. – P. 186-197.
 150. Green G., Morgan J. L. *Practical guide to syntactic analysis*. – Stanford, 1996. – XI, 127 p.
 151. Greenberg J. H. *Essays in linguistics*. – Chicago, 1957. – VII, 108 p.
 152. Greimas A. J. *Sémantique structurale: Recherche de méthode*. – P., 1966. – 262 p.
 153. Grice P. *Logic and conversation // Speech acts*. – New York etc., 1975. – P.41-58.
 154. Gruber J. S. *Studies in lexical relations*. – Cambr. (Mass.), 1965. – 303 p.
 155. Güllich E. *Konventionelle Muster und kommunikative Funktionen von Alltagserzählungen // Erzählen im Alltag*. – Frankfurt a.M., 1980. – S. 335-384.
 156. Gumperz J. J. *Sociolinguistics and communication in small groups // Sociolinguistics: selected readings*. – Harmondsworth, 1972. – P.203-224.
 157. Gundel J. K. *Universals of topic-comment structure // Studies in syntactic typology*. – Amsterdam; Philadelphia, 1988. – P.209-239.
 158. Guy G. R. *Form and function in linguistic variation // Towards a social science of language: Papers in honor of William Labov*. – Amsterdam; Philadelphia, 1996. – Vol.1. – P.221-252.
 159. Haas W. *Function and structure in linguistic descriptions // Functionalism in linguistics*. – Amsterdam; Philadelphia, 1987. – P.333-335.
 160. Habermas J. *Universalpragmatische Hinweise auf das System der Ich-Abgrenzungen. // Seminar: Kommunikation, Interaktion, Identität*. — 2. Aufl. – Frankfurt a. M., 1983. – S.332-347.
 161. Haiman J. *The iconicity of grammar: Isomorphism and motivation // Language*. – Baltimore, 1980. – Vol. 56, N 3. – P. 515-540.
 162. Haiman J. *Natural syntax: Iconicity and erosion*. – Cambridge etc., 1985. – VIII, 285 p.
 163. Haiman J. *Ritualization and the development of language // Perspectives on grammaticalization*. – Amsterdam; Philadelphia, 1994. – P.3-28.
 164. Hake R. L., Williams J. M. *Some cognitive issues in sentence combining: On the theory that smaller is better // Sentence combining: A rhetorical perspective*. – Carbondale; Edwardsville, 1985. – P.86-106.
 165. Halliday M. A. *Notes on transitivity and theme in English // J. of linguistics*. – L.; N.Y., 1967. – Vol.3, 1/2. – P. 37-81, 199-244.
 166. Halliday M. A. *Language structure and language function // New horizons in linguistics*. – Harmondsworth, 1970. – P.140-165.
 167. Halliday M. A. *Linguistic function and literary style: An inquiry into the language of William Golding's "The inheritors" (1971). // Essays in modern stylistics*. – L.; N.Y., 1981. – P.325-360.
 168. Halliday M. *Explorations in the functions of language*. – L., 1973.- 143 p.
 169. Halliday M. A. *Language as social semiotic: The social interpretation of language a. meaning*. – L., 1978. – (V), 256 p.
 170. Hammond M., Noonan M. *Morphology in the generative paradigm // Theoretical morphology*. – San Diego etc., 1988. – P.1-19.
 171. Harman G. H. *Some philosophical issues in cognitive science: Qualia, intentionality, a. the mind – body problem // Foundations of cognitive science*. – Cambridge (Mass.); L., 1989. – P.831-848.
 172. Harris R., Jarrett J. *Language and informal logic*. – N.Y., 1958. – VIII, 274 p.
 173. Hartig M. *Angewandte Linguistik des Deutschen: Soziolinguistik*. – Bern etc., 1985. – 209 S.
 174. Hasan R., Fries P. H. *Reflections on subject and theme: An introduction // On subject and theme: A discourse functional perspective*. – Amsterdam; Philadelphia, 1995. – P. XIII-XLV.

175. Haselager W. Cognitive science and folk psychology: The right frame of mind. – L. etc., 1997. – IX, 165 p.
176. Heath J. Some functional relationships in grammar // *Language*. – Baltimore, 1975. – Vol. 51, N 1. – P. 89-104.
177. Heath J. Functional universals // *Proceedings of the 4th annual meeting of the Berkeley linguistic society*. – Berkeley, 1978. – P. 86-95.
178. Heath J. Units in a functional grammar // *The elements: A parasession on linguistic units and levels: April 20-21, 1979: Including papers from the Conference on Non-Slavic languages of the USSR (April 18, 1979) – Chicago, 1979.* – P.52-59.
179. Heath J. Is Dyrbal ergative? // *Linguistics*. – The Hague, 1979. – Vol.17. – P. 401-463.
180. Heckhausen H. Emotional components of action: Their ontogeny as reflected in achievement behavior // *Curiosity, imagination, and play: On the development of spontaneous cognitive a. motivational processes.* – Hillsdale (N.J.); L., 1987. – P.326-348.
181. Hempel C. G. Aspects of scientific explanation and other essays in the philosophy of science. – N.Y.; L., 1965. – 505 p.
182. Herriman J. The indirect object in present-day English. – Göteborg, 1995. – VI, 292 p.
183. Himmelmann N. J. Morphosyntax und Morphologie: Die Ausrichtungsaffixe im Tagalog. – München, 1987. – 207 S.
184. Hjelmslev L. Sproget: En introduktion. – Kobenhavn, 1963. – 141 s.
185. Hjelmslev L. Essais linguistiques. – P., 1971. – 283 p.
186. Holly W. Politiksprache: Inszenierungen und Rollenkonflikte im informellen Sprachhandeln eines Bundestagsabgeordneten. – B.; N.Y., 1990. – XI, 406 S.
187. Hopper P. J. Emergent grammar // *Proceedings of the 13th annual meeting of the Berkeley linguistic society*. – Berkeley, 1987. – P. 139-157.
188. Hopper P. J., Thompson S.A. The discourse basis for lexical categories in universal grammar // *Language*. – Balt., 1984. – Vol.60, N 4. – P. 703-752.
189. Horton S. R. Interpreting interpreting: Interpreting Dickens's *DOMBEY*. – Baltimore; L., 1979. – XIII, 162 p.
190. Höhle V. Hegels System: Der Idealismus der Subjektivität und das Problem der Intersubjektivität. – Hamburg, 1988. – Bd. 2: Philosophie der Natur und des Geistes. – S. XII, 277-675.
191. Hudson R. A. Arguments for a non-transformational grammar. – Chicago; L., 1976. – X, 214 p.
192. Husserl E. Logische Untersuchungen. — 2. Aufl. – Halle (Saale), 1913. – Bd.2. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. T. 1. – XI, 508 S.
193. Hymes D. H. The ethnography of speaking // *Anthropology and human behavior*. – Wash. (D.C.), 1962. – P. 13-53.
194. Ikegami Y. Child language and poetic language // *Spracherwerb und Mehrsprachigkeit: Language acquisition a. multilingualism: Festschrift für Els Oksaar zum 60. Geburtstag*. – Tübingen, 1986. – P.3-10.
195. Isenberg H. Einige Grundbegriffe für eine linguistische Texttheorie // *Probleme der Textgrammatik*. – B., 1976. – S.47-145.
196. Jackendoff R. S. Semantic interpretation in generative grammar. – Cambridge (Mass.); L., 1972. – XII, 400 p.
197. Jackendoff R. S. Consciousness and the computational mind. – Cambridge (Mass.); L., 1987. – XVI, 356 p.
198. Jacob P. Fonctionnalisme et croyance // *La référence: Actes du Colloque de Saint-Cloud, Ecole Normale Supérieure de Saint-Cloud, 12-13 octobre 1984*. – P., 1987. – P.63-81.
199. Jacobsen B. Modern transformational grammar: With particular reference to the theory of government a. binding. – Amsterdam etc., 1986. – XV, 441 p.
200. Jäkel S. Konvention und Sprache: Eine sprachphilosophische Basis für Interpretationsexperimente demonstriert am Beispiel von Thomas Manns Roman 'Doktor Faustus'. – Turku, 1983. – 140 S.
201. Jakobson R. Current issues of general linguistics // *Roman Jakobson: On language*. – Cambridge (Mass.); L., 1990. – P.49-55.
202. Jakobson R. Linguistics and poetics // *Style in language*. – N.Y.; L., 1960. – P.350-395.
203. Jannidis F. Das Individuum und sein Jahrhundert: Eine Komponenten-und Funktionsanalyse des Begriffs 'Bildung' am Beispiel von Goethes "Dichtung und Wahrheit". – Tübingen, 1996. – VII, 230 S.
204. Jiménez-Ottalengo R., Paulín-Siade G. Apuntes para una sociolingüística de la interacción. – Mexico, 1985. – 89 p.
205. Jones D. The theory of phonemes and its importance in practical linguistics // *Readings in linguistics II*. – Chicago; L., 1966. – P.31-32.
206. Jones L. K. A synopsis of tagmemics // *Current approaches to syntax*. – N. Y. etc., 1980. – P.77-96.
207. Kaminsky J. Essays in linguistic ontology. – Carbondale; Edwardsville, 1982. – XI, 197 p.
208. Kant I. Kritik der reinen Vernunft / Hrsg. v. Schmidt R. – Leipzig, 1979. – XVI, 1022 S.
209. Katz J. J. Semantic theory. – N.Y., 1972. – XXVIII, 464 p.
210. Kay P. Language evolution and speech style // *Sociocultural dimensions of language use*. – N.Y., 1975. – P. 19-32.
211. Kjærgaard M. S. Metaphor and parable: A systematic analysis of the specific structure a. cognitive function of the synoptic similes a. parables qua metaphors. – Leiden, 1986. – 264 p.
212. Kövecses Z. Metaphors of anger, pride, and love: A lexical approach to the structure of concepts. – Amsterdam; Philadelphia, 1986. – VIII, 147 p.
213. Kronasser H. Handbuch der Semasiologie: Kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. – Heidelberg, 1952. – 204 S.

214. Kuno S. Functional sentence perspective: A case study from Japanese a. English // Linguistic inquiry. – Cambridge (Mass.), 1972. – Vol. 3, N 3. – P. 269-320.
215. Kuno S. Three perspectives in the functional approach to syntax // Papers from the parasession on functionalism. – Chicago, 1975. – P.275-336.
216. Kuno S. Functional syntax: Anaphora, discourse a. empathy. – Chicago; L., 1987. – VIII, 320 p.
217. Kuroda S.-Y. Some thoughts on the foundations of the theory of language use // Linguistics and Philosophy. – Dordrecht etc., 1979. – Vol. 3, N 1. – P. 1-17.
218. Kuryłowicz J. L'apophonie en sémitique. – Wrocław etc., 1961. – 224 s.
219. Labov W. The overestimation of functionalism // Functionalism in linguistics. – Amsterdam; Philadelphia, 1987. – P.311-332.
220. Lacan J. Le séminaire de Jacques Lacan: Texte ét. par Miller J.-A. – P.: Seuil, 1991. – Livre 16. L'avers de la psychanalyse: 1969- 1970. – 252 p.
221. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago; L., 1980. – XIII, 242 p.
222. Lakoff G., Turner M. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. – Chicago, 1989. – 450 p.
223. Lakoff R. T. Language and woman's place // Language in society. – L., 1973. – Vol. 2, N 1. – P. 45-80.
224. Lambrecht K. Information structure and sentence form: Topic, focus, a. the mental representations of discourse referents. – Cambridge, 1994. – XVI, 388 p.
225. Leckie-Tarry H. Language and context: A functional linguistic theory of register. – L.; N.Y., 1995. – XII, 178 p.
226. Leech G. N. Pragmatics and conversational rhetoric // Possibilities and limitations of pragmatics: Proc. of the Conference on pragmatics, Urbino, July 8-14, 1979. – Amsterdam, 1981. – P.413-441.
227. Leech G. N. Principles of pragmatics. – L.; N.Y., 1983. – XIII, 250 p.
228. Leech G. N. Stylistics and functionalism // The linguistics of writing: Arguments between language a. literature. – Manchester, 1987. – P.76-88.
229. Leech G. N., Short M.H. Style in fiction: A linguistic introduction to English fictional prose. – L.; N.Y., 1981. – XIII, 402 p.
230. Lévi-Strauss C. Anthropologie structurale. – P.: Plon, 1958. – 452 p.
231. Lewis D. K. Convention: A philosophical study. – Cambridge, 1969. – 213 p.
232. Lieb H.-H. The case for a new structuralism // Prospects for a new structuralism. – Amsterdam; Philadelphia, 1992. – P.33-72.
233. Longacre R. E. Some fundamental insights of tagmemics // Language. – Baltimore, 1965. – Vol. 41, N 1. – P., 65-76.
234. Lycan W. G. Introduction // Mind and cognition: A reader. – Oxford, 1990. – P.3-13.
235. Lyons J. Deixis as the source of reference // Formal semantics of natural language: Papers from a Colloquium sponsored by King's college research centre, Cambridge. – Cambridge etc., 1975. – P.61-83.
236. Lyons J. Semantics. – Cambridge. etc., 1977. – XIV, 897 p.
237. MacLaury R. E. Prototypes revisited // Annual review of anthropology. – Palo Alto, 1991. – Vol. 20. – P. 55-74.
238. Mahmoudian M. Présentation // Linguistique fonctionnelle: Débats et perspectives: Pour André Martinet. – P., 1979. – P.1-21.
239. Mair C. Dramatic dialogue between linguists and literary scholars?: Some remarks on Harold Pinter's "political" plays // Dialogische Strukturen: Dialogic structures: Festschrift für Willi Erzgräber zum 70. Geburtstag. – Tübingen, 1996. – S.290-307.
240. Malcolm N. Functionalism in philosophy of psychology // Malcolm N. Wittgensteinian themes: Essays 1978-1989. – Ithaca; L., 1995. – P.27-44.
241. Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages // Ogden C.K., Richards I.A. The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought a. of the science of symbolism. — 2nd ed. – N.Y.; L., 1927. – P.296-336.
242. Malinowski B. The dilemma of contemporary linguistics // Language in culture and society: A reader in linguistics a. anthropology. – N.Y., 1964. – P.63-65.
243. Marslen-Wilson W. D. The limited compatibility of linguistic and perceptual explanations // Papers from the parasession on functionalism. – Chicago, 1975. – P.409-420.
244. Martin R. Pour une logique du sens. – P., 1983. – 268 p.
245. Martinet A. Elements of a functional syntax // Word. – N.Y., 1960. – Vol. 16, N 1. – P. 1-10.
246. Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. – Halle, 1908. – Bd. 1. – XXXII, 764 S.
247. Mates B. On the verification of statements about ordinary language // Philosophy and linguistics. L., 1971. – P.121-130.
248. McDowell J. H. Verbal dueling // Handbook of discourse analysis. – London etc., 1985. – Vol.2. Dimensions of discourse. – P.203-212.
249. McKeown K. R. Text generation: Using discourse strategies a. focus constraints to generate natural language text. – Cambridge, 1985. – X, 246 p.
250. Meyer F., Ort C.-M. Konzept eines struktural-funktionalen Theorienmodells für eine Sozialgeschichte der Literatur // Zur theoretischen Grundlegung einer Sozialgeschichte der Literatur: Ein struktural-funktionaler Entwurf. – Tübingen, 1988. – S.

- 85-171.
251. Meyer P. G. Sprachliches Handeln ohne Sprechsituation: Studien zur theoretischen und empirischen Konstitution von illokutiven Funktionen in "situationslosen" Texten. – Tübingen, 1983. – XII, 248 S.
 252. Mink L. O. Narrative form as a cognitive instrument // The writing of history: Literary form and historical understanding. – Madison, 1978. – P.129-149.
 253. Moeschler J. Dire et contredire: Pragmatique de la négation et acte de réfutation dans la conversation. – Berne; Frankfurt a. M., 1982. – VI, 220 p.
 254. Morgan J. L. Two types of convention in indirect speech acts // Pragmatics. – N. Y. etc., 1978. – P.261-280.
 255. Næs O. Versuch einer allgemeinen Syntax der Aussagen // Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik: Aufsätze aus drei Jahrzehnten (1929-1959). — 3., durchsehene Aufl. – Darmstadt, 1973. – S.280-334.
 256. Neumaier O. The problem of criteria for language competence // Mind, language and society. – Vienna, 1984. – P.85-102.
 257. Nord C. So treu wie möglich?: Die linguistische Markierung kommunikativer Funktionen und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte // Linguistik und Literaturübersetzen. – Tübingen, 1997. – S.35-59.
 258. Norrick N. R. The lexicalization of pragmatic functions // Linguistics. – The Hague, 1979. – Vol. 17. – P. 671-685.
 259. Norrick N. R. Nondirect speech acts and double binds // Poetics – The Hague; P., 1981. – Vol. 10, N 1. – P. 33-47.
 260. Nunberg G. Syntactic relations in types and tokens // Papers from the 10th regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1974. – P.492-503.
 261. Nystrand M. Introduction: Rhetoric's "audience" and linguistics' "speech community": Implications for understanding writings, reading, a. text // What writers know: The language, process, a. structure of written discourse. – N. Y. etc., 1982. – P.1-28.
 262. Obermeier O.-P. Zweck-Funktion-System: Kritisch-konstruktive Untersuchung zu Niklas Luhmanns Theoriekonzeptionen. – Freiburg; München, 1988. – 356 S.
 263. Ogden C. K., Richards I.A. The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. – 2nd ed. – N.Y.; L., 1927. – XXII, 363 p.
 264. Ortega-y-Gasset J. El hombre y la gente. – Madrid, 1957. – 317 p.
 265. Ossner J. Konvention und Strategie: Die Interpretation von Äusserungen im Rahmen einer Sprechakttheorie. – Tübingen, 1985. – 208 S.
 266. Parret H. Prolégomènes a la théorie de l'énonciation: De Husserl à la pragmatique. – Berne etc., 1987. – VIII, 416 p.
 267. Pateman T. Language in mind and language in society: Studies in linguistic reproduction. – Oxford, 1987. – XIII, 194 p.
 268. Payne D. L. Meaning and pragmatics of order in selected South American Indian languages // The role of theory in language description. – Berlin; N.Y., 1993. – P.281-314.
 269. Peer W. V. Stylistics and psychology: Investigations of foregrounding. – L. etc., 1986. – XIII, 220 p.
 270. Perinbanayagam R. Signifying acts: Structure a. meaning in everyday life. – Carbondale; Edwardsville, 1985. – XV, 185 p.
 271. Pfau D., Schönert J. Probleme und Perspektiven einer theoretisch-systematischen Grundlegung für eine "Sozialgeschichte der Literatur" // Zur theoretischen Grundlegung einer Sozialgeschichte der Literatur: Ein struktural-funktionaler Entwurf. – Tübingen, 1988. – S.1-26.
 272. Pinker S. Resolving a learnability paradox in the acquisition of the verb lexicon // The teachability of language. – Baltimore etc., 1989. – P.13-61.
 273. Popper K. R. Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge. – N.Y.; L., 1962. – XI, 412 p.
 274. Posner R. Theorie des Kommentierens: Eine Grundlagenstudie zur Semantik und Pragmatik. – Frankfurt a. M., 1972. – X, 224 S.
 275. Probleme der semantischen Analyse / Autorenkollektiv unter der Leitung von Viehweger D. – B., 1977. – 405 S.
 276. Quasthoff U. M. Eine interaktive Funktion von Erzählungen // Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften. – Stuttgart, 1979. – S.104-126.
 277. Quasthoff U. M. Erzählen in Gesprächen: Linguistische Untersuchungen zu Strukturen und Funktionen am Beispiel einer Kommunikationsform des Alltags. – Tübingen, 1980. – 244 S.
 278. Quasthoff U. M. Zuhöreraktivitäten beim konversationellen Erzählen // Dialogforschung. – Düsseldorf, 1981. – S.287-313.
 279. Raccach P.-Y. Sémantique épistémique et loi de prédominance de l'argumentation // Stratégies interactives et interprétatives dans le discours: Actes du 3me Colloque de pagmatique de Genève (27-28 février, 1er mars 1986). – Genève, 1986. – P.93-113.
 280. Rath R. Zur Legitimation und Einbettung von Erzählungen in Alltagsdialogen // Dialogforschung. – Düsseldorf, 1981. – S.265-286.
 281. Requin J. Les neurosciences cognitives: Au-delà du réductionnisme, une science de synthèse? // Comportement, cognition, conscience: La psychologie à la recherche de son objet: Symposium de l'Association de psychologie scientifique de langue française (Lisbonne, 1985). – P., 1987. – P.31-57.
 282. Richards I. A. Practical criticism: A study of literary judgment. 6th impression. – L., 1948. – XIII, 375 p.
 283. Ricoeur P. La métaphore vive. – P., 1975. – 414 p.
 284. Ricoeur P. Interpretation theory: Discourse and the surplus of meaning. – Fort Worth (Tex.), 1976. – XII, 107 p.

285. Robinson W. Language and social behaviour. – Harmondsworth (Middlesex), 1972. – 223 p.
286. Röttgers K. Spuren der Macht: Begriffsgeschichte und Systematik. – Freiburg; München, 1990. – 590 S.
287. Roulet E. Complétude interactive et mouvements discursifs // Stratégies interactives et interprétatives dans le discours: Actes du 3me Colloque de pragmatique de Genève (27-28 février, 1er mars 1986). – Genève, 1986. – P.189-206.
288. Roulet E. et al. L'articulation du discours en français contemporain. – Berne etc., 1985. – VII, 272 p.
289. Russell B. On denoting // Russell B. Logic and knowledge: Essays 1901-1950. – L., 1956. – P.41-56.
290. Russell B. The philosophy of logical atomism // Russell B. Logic and knowledge: Essays 1901-1950. – L., 1956. – P.178-281.
291. Russell B. An inquiry into meaning and truth: The William James lectures for 1940 delivered at Harvard University. – L., 1967. – 333 p.
292. Ryle G. The concept of mind. – L., 1949. – 334 p.
293. Ryle G. Use and usage // Philosophy and linguistics. – L., 1971. – P.45-53.
294. Sachs J., Goldman J., Chaile C. Planning in pretend play: Using language to coordinate narrative development // The development of oral and written language in social contexts. – Norwood (N.J.), 1984. – P.119-128.
295. Sanders G. A. Equational rules and rule functions in syntax // Current approaches to syntax. — New York etc., 1980. – P.231-266.
296. Schachter P. Parts of speech systems // Language typology and syntactic description. – Cambridge etc., 1985. – Vol.1: Clause structure. – P.3-61.
297. Schank R. C. Representing meaning: An artificial intelligence perspective // Text processing: Text analysis a. generation; text typology a. attribution. – Stockholm, 1982. – P.25-63.
298. Schneider W. L. Objektives Verstehen: Rekonstruktion eines Paradigmas: Gadamer, Popper, Toulmin, Luhmann. – Opladen, 1991. – 274 S.
299. Schneider W. L. Die Analyse von Struktursicherungsoperationen als Kooperationsfeld von Konversationsanalyse, objektiver Hermeneutik und Systemtheorie // Beobachtung verstehen, Verstehen beobachten: Perspektiven einer konstruktivistischen Hermeneutik. – Opladen, 1997. – S.164-227.
300. Schwartz M., Linebarger M., Safran E., Pate D. Syntactic transparency and sentence interpretation in aphasia // Lang. a. cognitive processes. – L. etc., 1987. – Vol .2, N 2. – P. 85-113.
301. Searle J. R. Speech acts: An essay in the philosophy of language. – Cambridge, 1969. – VII, 203 p.
302. Searle J. Contemporary philosophy in the United States // The Blackwell companion to philosophy. – Oxford, 1996. – P.1-24.
303. Seiler H. A functional view on prototypes // Conceptualizations and mental processing in language. – Berlin; N.Y., 1993. – P.115-139.
304. Shapiro M. The sense of grammar: Language as semeiotic. – Bloomington, 1983. – XI, 236 p.
305. Sicking C. Aspect choice: Time reference or discourse function? // Sicking C.M.J., Stork P. Two studies in the semantics of the verb in Classical Greek. – Leiden etc., 1996. – P. 1-118.
306. Siegfried K. Zur Natur kognitiver Störungen bei depressiven Erkrankungen // Persönlichkeit und Kognition: Aspekte der Kognitionsforschung: Festschrift zum 65. Geburtstag von Fritz Süllwold. – Göttingen etc., 1996. – S.134-152.
307. Sihler A. L. New comparative grammar of Greek and Latin. – N.Y.; Oxford, 1995. – XXIII, 686 p.
308. Silverstein M. Language structure and linguistic ideology // The elements: A parasession on linguistic units a. levels: April 20-21, 1979: Including papers from the Conference on Non-Slavic languages of the USSR (April 18, 1979) – Chicago, 1979. – P.193-247.
309. Silverstein M. The culture of language in Chinookian narrative texts; or, On saying that... in Chinook // Grammar inside and outside the clause: Some approaches to theory from the field. – Cambridge etc., 1985. – P.132-171.
310. Silverstein M. The three faces of "function": Preliminaries to a psychology of language // Social and functional approaches to language and thought. – Orlando etc., 1987. – P.17-38.
311. Silverstein M. The expanse of grammar in the "waste" of frames // The role of theory in language description. – Berlin; N.Y., 1993. – P.165-191.
312. Skinner B. Verbal behavior. – N.Y., 1957. – X, 478 p.
313. Smith P. M. Sex markers in speech // Social markers in speech. – Cambridge, 1979. – P.109-146.
314. Smith P. M. Language, the sexes and society. – Oxford; N.Y., 1985. – X, 211 p.
315. Sommerfeldt K.-E., Spiewok W. Zum Anliegen des Bandes // Beiträge zu einer funktional-semantischen Sprachbetrachtung. – Leipzig, 1986. – S.7-11.
316. Stankiewicz E. Linguistics, poetics, and the literary genres // New directions in linguistics and semiotics. – Amsterdam, 1984. – P.155-178.
317. Stankiewicz E. The concept of structure in contemporary linguistics // New vistas in grammar: Invariance a. variation. – Amsterdam; Philadelphia, 1991. – P.11-32.
318. Stassen L. Comparison and universal grammar. – Oxford; N.Y., 1985. – X, 373 p.
319. Stati S. Le transphrastique. – P., 1990. – 173 p.

320. Stenzel A. Die Entwicklung der syntaktischen Kategorien Nomen und Verb bei ein- und zweisprachigen Kindern. – Tübingen, 1997. – XIII, 247 S.
321. Sterelny K. Computational functional psychology: Problems and prospects // Computers, brains and minds: Essays in cognitive science. – Dordrecht etc., 1989. – P.71-93.
322. Sugioka Y., Faarlund J. T. A functional explanation for the application and ordering of movement rules // Papers from the 16th regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1980. – P. 311-322.
323. Sweetser E. E. From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. – Cambridge, 1990. – 212 p.
324. Tammi P. Kertojan ja henkilön diskurssista: Esimerkinä Marja-Liisa Vartion proosa // Teksti ja konteksti. – Pieksämäki, 1986. – P.25-61.
325. Tannen D. F. Spoken / written language and the oral / literate continuum // Papers from the 6th annual meeting of the Berkeley linguistic society. – Berkeley, 1980. – P. 207-218.
326. Taylor J. R. Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory. — 2nd ed. – Oxford, 1995. – 304 p.
327. The ubiquity of metaphor: Metaphor in language and thought. – Amsterdam, 1985. – X, 630 p.
328. Tolman C. W. Psychology, society, and subjectivity: An introd. to German critical psychology. – L.; N.Y., 1994. – X, 163 p.
329. Tomlin R. S. Basic word order: Functional principles. – L. etc., 1986. – XII, 308 p.
330. Toulmin S. The uses of argument. – Cambridge, 1958. – VI, 264 p.
331. Van Valin R. D. A synopsis of role and reference grammar // Advances in role and reference grammar. – Amsterdam; Philadelphia, 1993. – P.1-164.
332. Van Valin R. D., Foley W. A. Role and reference grammar // Current approaches to syntax. — N.Y. etc., 1980. – P.329-352.
333. Viehweger D. Semantische Merkmale und Textstruktur // Probleme der Textgrammatik. – B., 1976. – S.195-206.
334. Viehweger D. Struktur und Funktion nominativer Ketten im Text // Kontexte der Grammatiktheorie. – B., 1978. – S. 149-168.
335. Viehweger D. Pragmatische Voraussetzungen, deskriptive und kommunikative Explizität von Texten // Untersuchungen zum Verhältnis von Grammatik und Kommunikation. – B., 1979. – S. 81-100.
336. Vokeley K. Repräsentation und Identität: Zur Konvergenz von Hirnforschung und Gehirn-Geist-Philosophie. – B., 1995. – 341 S.
337. Volek B. Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian. – Amsterdam; Philadelphia, 1987. – XI, 270 p.
338. Vossenkuhl W. Anatomie des Sprachgebrauchs: Über die Regeln, Intentionen und Konventionen menschlicher Verständigung. – Stuttgart, 1982. – 214 S.
339. Voßler K. Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft: Eine sprachlich-philosophische Untersuchung. – Heidelberg, 1904. – VII, 98 S.
340. Vossler K. Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie. – München, 1923. – VIII, 272 S.
341. Wallace R. A., Wolf A. Contemporary sociological theory: Continuing the classical tradition. — 2nd ed. – Englewood Cliffs (N.J.), 1986. – XV, 336 p.
342. Warnock G. Morality and language. – Oxford, 1983. – VI, 218 p.
343. Watzlawick P., Beavin J. H., Jackson D. D. Pragmatics of human communication: A study of interactional patterns, pathologies, a paradoxes. – L., 1967. – 296 p.
344. Wavell B. B. Wittgenstein's doctrine of use // Synthese – Dordrecht etc., 1983. Vol. 56, N 3. – P. 253-264.
345. Weigand E. Sprache als Dialog: Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik. – Tübingen, 1989. – XV, 368 S.
346. Wertsch J. V. Vygotsky and the social formation of mind. – Cambridge (Mass.); L., 1985. – XVIII, 262 p.
347. Whitney W. D. Language and the study of language: Twelve lectures on the principles of linguistic science. – N.Y., 1868. – XI, 489 p.
348. Wienold G. Types of language use: A notion relevant to the writing of literary history? // Poetics. – The Hague; P., 1985. – Vol. 14, N 3/4. – P. 345-363.
349. Wilkins D. An investigation into linguistic and situational content of the common core in a unit-credit system. – Strassbourg, 1973. – 148 p.
350. Williams E. S. Grammatical relations // Linguistic inquiry. – Cambridge (Mass.), 1984. – Vol. 15, N 4. – P. 639-673.
351. Wittgenstein L. Philosophical investigations: Philosophische Untersuchungen. – Oxford; N.Y., 1953. – X, 232 p.
352. Zubin D. A., Kopcke K.-M. Gender: a less than arbitrary grammatical category // Papers from the 17th regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1981. – P. 439-449.
353. Zubin D. A., Kopcke K.-M. Gender and folk taxonomy: The indexical relation between grammatical a. lexical categorization // Noun classes and categorization: Proc. of a symposium on categorization and noun lassification, Eugene, Oregon, October 1983. – Amsterdam; Philadelphia, 1986. – P.139-180.

В. З. Демьянков